

МОШИНЪ
—
НОВОЕ
ОБЪ
ВЕЛИКИХЪ
ПИСАТЕЛЯХ

— — — НОВОЕ
ОБЪЕМЪ — — —
— — — ВЕЛИКИХЪ
ПИСАТЕЛЯХЪ.

Августѣйшему
Поэту К. Р. и Председателю
Императорской Академіи Наукъ
Его Императорскому
Высочеству Великому Князю
Константину Константиновичу,

въ знакъ глубокой преданности и уваженія
достоинъ принять скромный трудъ мой

Алексѣй Мошинъ.

13/IV 08. спб.

ВЫПУЩЕНО ДО СИХЪ ПОРЪ ОТДѢЛЬНЫМИ ИЗДАНІЯМИ ИЗЪ
ТОГО, ЧТО НАПИСАЛЪ

АЛЕКСѢЙ МОШИНЪ

ШТРИХИ И НАСТРОЕНІЯ.

Кн. 1-я, 26 рассказовъ, ц. 75 к. 2-е изд. Т-ва И. Д. Сытина:

Кн. 2-я, 17 рассказовъ, ц. 1 р. 2-е изд. А. Ф. Штольценбурга

Кн. 3-я, 18 рассказовъ, ц. 1 р. Изданіе автора.

Ясная Поляна и Васильевка. Съ иллюстр., ц. 50 к. Изд. В. П. Панова.

Новое объ 11-ти великихъ писателяхъ, ц. 60 к. Изд. автора.

Алексѣй Мочинъ.

НОВОЕ О ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.

(МЕЛКІЕ ШТРИХИ ДЛЯ БОЛЬШИХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

Разсказы очевидцевъ

о томъ, какое производили на нихъ впечатлѣніе

И. А. Крыловъ, А. С. Пушкинъ, Н. В. Гоголь,
М. Ю. Лермонтовъ, И. С. Тургеневъ, Н. А. Некрасовъ,
Ф. М. Достоевскій, М. Е. Щедринъ-Салтыковъ, гр.
Л. Н. Толстой, Гюи де Мопасанъ и А. П. Чеховъ.

Изд. 2-е, дополненное.

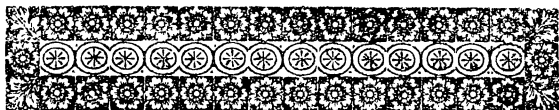
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Я. Мильштейна, Нижегородская 14.

1908 г.

НОВОЕ О ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.

КРЫЛОВЪ.

Объ И. А. Крыловъ.

Бодрая, жизнерадостная старушка Александра Іосифовна Андріаненко рассказала мнѣ и разрѣшила напечатать то, что она еще помнитъ объ И. А. Крыловѣ.

— Я видѣла много разъ Ивана Андреевича Крылова, но знакома съ нимъ не была. Былъ знакомъ съ нимъ покойный мой мужъ, онъ мнѣ многое рассказывалъ о Крыловѣ. Теперь у насъ 1907 годъ, — значить, мнѣ девяносто два года. Я — урожденная Бѣляева, мой отецъ былъ лѣкарь, а по замужеству моя фамилія Андріаненко. Покойный мой мужъ, Иванъ Ивановичъ Андріаненко, служилъ канцеляристомъ у графа Сергѣя Семеновича Уварова, когда тотъ былъ министромъ народ-

наго просвѣщенія, и жили мы въ квартирѣ у графа.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ очень часто бывалъ въ гостяхъ у гр. Уварова и въ его семьѣ чувствовалъ себя, какъ дома, и держался всегда, не стѣсняясь, непринужденно. Я вмѣстѣ съ другими часто выбѣгала посмотрѣть на знаменитаго баснописца.

Залъ былъ большой, въ два свѣта; мы съ хоръ смотрѣли, какъ ходилъ Крыловъ по залѣ, то съ Уваровымъ, то съ кѣмъ-нибудь изъ гостей, либо съ дамой, либо съ митрополитомъ, либо съ молоденькой дѣвушкой, либо съ кѣмъ-нибудь изъ мужчинъ, кто съ нимъ хотѣлъ поговорить. И, видно было, всякаго онъ умѣлъ разсмѣшить.

А чаще онъ въ гостиной въ лѣнивой позѣ полулежалъ на алжирскомъ диванѣ. Захочется ему чего-нибудь пить или покушать, онъ не ожидаетъ общаго стола, а самъ идетъ къ прислугѣ, спрашиваетъ, что ему угодно, и тутъ же пьетъ и закусываетъ.

Больше, помнится, онъ любилъ длинный сюртукъ, и всегда я видѣла его въ бѣломъ галстухѣ. Нижнюю губу онъ немножко выпячивалъ впередъ, какъ будто немножко презрительно, какъ будто немножко насмѣшливо; часто добродушно улыбался. Манера ходить у него была такая, что косматая его голова впередъ выдавалась, и еще такая, что онъ казался какъ-будто сутуловатымъ. И по внѣшности своей былъ очень оригиналенъ. Недаромъ Пушкинъ его называлъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:

«Крыловъ—преоригинальная туша»...

Да, онъ былъ грузный, массивный,—именно, туша... и зато — добродушный, веселый, и всѣ находили, — въ высшей степени остроумный.

У гр. Уварова бывала и Великая Княгиня Елена Павловна; и она, и дочь Уварова очень любили разговаривать съ Крыловымъ, и онъ ихъ много смѣшилъ.

Мнѣ рассказывалъ мужъ много остротъ Крылова, которыя онъ самъ слышалъ непосредственно, или ему были извѣстны черезъ другихъ, но я уже все это переза-

была. Только помню одну его неприличную, но добродушную выходку на митрополита, когда тотъ присталъ къ нему, чтобы сказалъ ему Крыловъ какой-нибудь стихъ-экспромтъ...

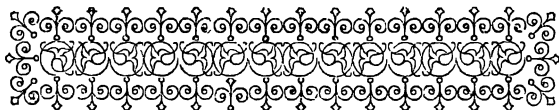
Часто видѣла Ивана Андреевича Крылова, какъ онъ подъѣзжалъ въ каретѣ; выйдетъ въ длинномъ пальто и въ высокомъ, неуклюжемъ цилиндрѣ, по модѣ того времени, или въ мягкой шляпѣ, иногда съ толстой камышевой палкой. Приѣзжалъ онъ и на извозничьихъ дрожкахъ, а иногда, должно быть, для шалости, подъѣзжалъ, сидя верхомъ на извозничьей линейкѣ, какія тогда существовали. Въ такой позѣ онъ казался особенно массивнымъ и забавнымъ.

Хорошо помню, что всѣ его знали, какъ очень добраго, очень милаго и очень умнаго человѣка.

Мнѣ жаль теперь, что я не записала въ то время всего, что о немъ знала...

Вотъ видите, какъ мало я смогла рассказать вамъ объ этомъ великомъ человѣкѣ...

ПУШКИНЪ.

**Къ легендамъ и разсказамъ объ А. С.
Пушкинѣ. *)**

Въ городѣ Новоржевѣ жилъ старый купецъ Василій Томилинъ; онъ возилъ на ярмарку въ Святые Горы свой бакалейный товаръ и въ палаткѣ торговалъ тамъ. Въ числѣ его покупателей былъ и А. С. Пушкинъ, о которомъ потомъ, черезъ много лѣтъ, онъ часто разсказывалъ своему внуку, а тотъ пересказалъ мнѣ и предложилъ записать и напечатать.

Старого Томила въ живыхъ нѣтъ.

Вотъ какъ, по словамъ его внука, разсказывалъ старикъ Томилинъ свои воспоминанія о великомъ поэтѣ.

«Торговали мы между двухъ горокъ;

---

*) Изъ очерка: «Михайловское».

на одной—монастырь стоитъ, а на другой—селеніе. Повсюду палатки да телѣги, да оглобли, кверху завороченныя, да лошади, а народу—видимо-невидимо.

На ярмаркѣ-то.

Снуютъ, да шумятъ, а кто—пѣсню оретъ, а тамъ поросенокъ завизжитъ, лошади заржутъ, бубенцы звонятъ, а тамъ цыганъ съ маклакомъ ругается, а тутъ на балалайкахъ зашмариваютъ, а здѣсь торгуются; а гдѣ—кружокъ вокругъ старцевъ соберется, тѣ «Лазаря» поютъ, а имъ въ чашки грошики бросаютъ; гдѣ парни да дѣвицы хороводъ водятъ, пѣсни поютъ, да тоже на балалайкахъ играютъ... Въ этакой сутолокѣ народной кого запри-мѣтишь?..

А ужъ какъ Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, спускается съ горища,—его издали знаютъ, потому что вокругъ него, словно ворохъ цвѣтовъ,—сарафаны дѣвичьи: и синіе, и красные, и зеленые, и желтые...

А Пушкинъ съ палкой, въ рубахѣ, въ шляпѣ.

Идутъ вокругъ него дѣвицы, да пѣсни поютъ, да разныя прибаутки ему отпускаютъ, да смѣшки, да шуточки; щебечутъ, какъ сороки, на перебой...

А онъ ихъ слушаетъ,—веселый такой, довольный, да такъ отшутится и самъ-то, что дѣвицы со смѣху покатываются...

Подходитъ вся ватага—и Пушкинъ, и дѣвицы къ моей палаткѣ—и сейчасъ же набираетъ онъ гостинцевъ: орѣховъ, леденцовъ, пряниковъ.

Наберетъ, наберетъ кульковъ—и дальше идетъ, и всѣхъ дѣвицъ кругомъ угощаетъ. А ужъ онѣ къ нему такъ и прилипаютъ, словно мухи на медъ.

Такъ со смѣшками, да съ пѣснями и ходятъ...

И почти каждый разъ, какъ придетъ на ярмарку А. С. Пушкинъ,—его дѣвицы окружаютъ, а онъ у меня угощенія закупить...

Сразу деньги рѣдко плачивалъ, а всегда потомъ изъ Михайловскаго со своимъ человекомъ присылалъ,—никогда не забывалъ... А въ послѣдній разъ набралъ

онъ у меня тоже всякихъ гостинцевъ на два рубля сорокъ восемь копеекъ ассигнаціями и, какъ обыкновенно: «Пришлю»... говорить.

Но тутъ у него совсѣмъ внезапно отъѣздъ случился,—онъ и уѣхалъ, и позабылъ прислать-то... Да и кому же бы онъ изъ столицы прислалъ: онъ и фамиліи моей, я думаю, не зналъ... А мнѣ и не жалко было...

Много я съ Александра Сергѣевича Пушкина торговалъ на гостинцахъ для деревенскихъ дѣвицъ-то, на ярмаркѣ въ Святыхъ Горахъ...»

Въ Псковской губерніи я зналъ старика, Данила Сергѣевича Сергѣева—Ремезова; онъ управлялъ разными имѣніями. Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ управлялъ имѣніемъ Спицино, въ 12 верстахъ отъ города Великихъ Лукъ. Это былъ красивый старикъ совершенно сѣдой, безъ бороды, съ длинными усами, съ волосами, остриженными «въ скобку». Данила Сергѣичъ лично зналъ А. С. Пушкина и рассказывалъ

кое-что о привычках великаго поэта. Впослѣдствіи въ печати подтверждалось разными лицами, знавшими великаго поэта, многое изъ того, что рассказывалъ Данила Сергѣичъ, напримѣръ, что поэтъ любилъ ходить въ рубахѣ и, гуляя по проселку, любилъ бросать передъ собою палку, подходить, поднимать палку и снова бросать впередъ, по своему пути... Любилъ ходить на кладбище, когда тамъ «голосили» надъ могилками бабы и прислушиваться къ бабьему «причитанью», сидя на какой-нибудь могилкѣ... Но вотъ еще характерная привычка Пушкина, о которой слышалъ я отъ Данилы Сергѣича.

Говорилъ Данила Сергѣевичъ, что это онъ «видѣлъ своими глазами и даже неоднократно»...

На ярмаркѣ въ Святыхъ Горахъ поэтъ любилъ разгуливать среди народа и останавливаться у группъ, гдѣ нищіе заунывно тянули «Лазаря», или гдѣ парни и дѣвицы играли да пѣли «плясовую», водили хороводъ, плясали, или гдѣ крестьяне перебранивались и спорили, при чемъ слы-

шалось подчасъ и крылатое словцо, и острота... Поэтъ простаивалъ съ народомъ подолгу, заложивъ руки за спину; въ одной рукѣ у него была дощечка съ наложенной бумагой, а въ другой — карандашъ. И вотъ А. С. Пушкинъ, *заложивъ руки назадъ, кое-что записывалъ*, незамѣтно для другихъ, передвигая пальцами лѣвой руки бумагу на дощечкѣ, а правой водя карандашомъ; прислушиваясь къ цѣс-нямъ и рѣчамъ народа, онъ, такимъ образомъ, незамѣтно для чужого глаза, записывалъ то, что боялся не удержать въ своей феноменальной памяти.

Зачѣмъ нужно было Пушкину прибѣгать къ такому необыкновенному способу записыванья?.. Это было даже необходимо: такъ никто не подозрѣвалъ, что этотъ «малый въ рубахѣ», заложившій, повидимому, безпечно руки назадъ, — *записываетъ*... Извѣстно, съ какимъ недоувѣріемъ и подозрительностью относился въ то время крѣпостной, забитый, запуганный народъ ко всякому пишущему... Развѣ стали бы откровенно говорить при чело-

вѣкъ, который «подслушиваетъ» да записываетъ?!. Такого обходили бы околицей; отъ него толпа крѣпостного народа разбѣжалась бы...

Еще вопросъ: возможно ли писать, заложивъ руки за спину?... Попробуйте, и вы увидите, что можно. Сначала у васъ получатся каракули, а потомъ вы даже приобретете нѣкоторый навыкъ... Пушкину, при его удивительной памяти, не было надобности записывать цѣлую «круглоту періодовъ»,—ему достаточно было поймать нѣсколько характерныхъ словъ, чтобы потомъ воскресить предъ собою цѣлую фразу, цѣлую рѣчь, цѣлую сцену...

Помнится мнѣ еще одинъ эпизодъ изъ рассказовъ Даниила Сергѣича о великомъ поэтѣ.

Поэтъ лѣтомъ устроилъ себѣ кабинетъ въ «банѣ» и тамъ работалъ. Когда Пушкинъ въ этой «банѣ» запирался, слуга не впускалъ туда никого, ни по какому поводу: никто не смѣлъ беспокоить поэта. Въ эту баню Александръ Сергѣевичъ удалялся часто совершенно неожиданно для

лицъ, съ которыми онъ только что бесѣдовалъ... Въ барскомъ домѣ было однажды вечеромъ много гостей. Пушкинъ съ кѣмъ-то крупно поговорилъ, былъ очень раздраженъ и вдругъ исчезъ изъ общества. Кто-то, зная привычки поэта, полюбопытствовалъ, что онъ дѣлаетъ, и подобрался къ освѣщенному окну «бани». И вотъ что онъ увидѣлъ:

Поэтъ находился въ крайнемъ волненіи, онъ быстро шагаль изъ угла въ уголъ, хватался руками за голову; подходилъ къ зеркалу, висѣвшему на стѣнѣ и жестикулировалъ передъ зеркаломъ, сжималъ кулаки... Потомъ вдругъ садился къ письменному столу, писалъ нѣсколько минутъ... Вдругъ вскакивалъ, опять шагаль изъ угла въ уголъ и опять размахивалъ руками и хватался за голову...

По близости отъ села Михайловскаго въ маленькомъ погостѣ Вороничи, возлѣ самой церкви, въ крестьянской избѣ, съ трубой на соломенной крышѣ, живетъ старая старушка Акулина Ларіоновна

Скоропостижная. Одѣвается она, какъ всѣ старушки-крестьянки, п на головѣ носить повойникъ, а сверху, когда выходитъ, платокъ.

Это было 6-го іюня 1907 года: старушка Акулина Ларіоновна, привѣтливая и радушная, сидѣла со мной возлѣ своей избы и рассказывала:

— Да, я знала Александра Сергѣевича Пушкина, когда онъ проживалъ въ селѣ Михайловскомъ. Тогда я была дѣвочкой-подросткомъ. Александру Сергѣевичу больше всего нравилось слушать, когда кто пѣсни пѣлъ. Онъ слушалъ и въ это время писалъ... Старцевъ нанималъ пѣть Лазаря и другіе стихи и все слушалъ, да записывалъ...

Гдѣ увидить — народу много, лошадь остано­вить, подойдетъ, разговариваетъ, слушаетъ, да кое-что и запишетъ...

Отецъ мой былъ священникъ, по имени Илларіонъ, а по фамиліи Раевскій, но больше его знали по прозвищу — Шкода. А моя фамилія по замужеству — Скоропостижная. Моего отца Пушкинъ, Александръ

Сергѣевичъ, очень любилъ, двухъ дней не могъ обойтись, чтобы съ нимъ не повидаться. Папенька, бывало, какъ пойдетъ въ Михайловское, такъ и пропадетъ на весь день, а то и на вечеръ. Я его, бывало, спрошу:

— Да что вы, папенька, тамъ дѣлаете?

— А вотъ все съ Александромъ Сергѣевичемъ сидимъ, да шутимъ, да смѣемся... Говоримъ, да никакъ не наговоримся... И все-то у насъ съ нимъ шутки, да веселье... А больше никакого у насъ тамъ дѣла нѣту.

Какъ дня два папенька не пойдетъ въ Михайловское,—ужъ Александръ Сергѣевичъ присылаетъ за нимъ, а то и самъ прїѣдетъ... Помню его: прїѣзжалъ на красивой высокой лошади и былъ онъ во фракъ съ хвостомъ и подъ шеей широкой, бѣлый галстухъ-платокъ. Была я на улицѣ,—спрашиваетъ меня:

— Поповна, дома папенька?..

— Нѣту,—отвѣчаю...

— Такъ скажи ему, чтобы ко мнѣ прїѣзжалъ. Я безъ него соскучился...

А когда папеньку заставлялъ, то и сиживалъ у него, но ничего не ѣлъ и не пилъ у насъ. Папеньку тащилъ къ себѣ закусывать и чай пить.

Разъ какъ-то подъѣзжаетъ, входитъ въ комнату и подаетъ папенькѣ бумагу:

— Вотъ тебѣ, попъ, мой подарокъ...

Въ бумагѣ было написано:

«Дарю попу Шкодѣ семь десятинъ»...

И значилось все тамъ по формѣ, только не была бумага по закону закрѣплена. Но Александръ Сергѣевичъ сказалъ:

— И такъ у васъ моего подарка никто не отниметъ.

Анъ вышло такъ, что отняли. Записка Александра Сергѣевича въ пожарѣ погибла. Домъ нашъ отъ молніи сгорѣлъ, и тѣ семь десятинъ отъ насъ отняли... А ужъ самъ-то Александръ Сергѣевичъ безпримѣрный былъ благодѣтель, и къ намъ былъ всегда добрый. Тоже разрешалъ намъ въ его лѣсу и грибы искать, а больше никому не позволялось, и лѣсъ былъ обнесенъ высокой оградой.

Я, бывало, съ дѣвушкой ужъ такъ-то

рано за грибами въ Михайловское приду, — чуть утро, — а ужъ смотримъ, — Александръ Сергѣевичъ гуляетъ. Чаше всего я видѣла его даже и въ лѣсу — все во фракѣ съ хвостомъ, да въ широкомъ бѣломъ галстухѣ. А какъ на ярмарку отправлялся, то просто въ рубахѣ, а то видѣла, — въ шинели сѣро-нѣмецкаго сукна, съ бархатнымъ воротникомъ, и подпоясанъ былъ широкимъ краснымъ поясомъ, а концы длинные сзади заткнуты.

Встрѣтитъ, бывало, насъ, какъ придемъ за грибами:

— Ну, вы пришли?.. Вотъ и я буду вамъ пособлять...

Мы съ дѣвушкой по лѣсу ходимъ, грибы ищемъ, а Александръ Сергѣевичъ около, по дорожкамъ ходить, да намъ показываетъ палкой грибы, и зоветъ:

— Поповна, поповна!.. Вотъ грибы, вотъ!.. Бѣлые... Скорѣе, скорѣе сюда!..

Наберемъ, бывало, мы съ дѣвушкой грибовъ много, и прошу я Александра Сергѣевича хоть сколько-нибудь себѣ взять, а онъ отвѣчаетъ:

— Вы вдвоемъ ходите?..

— Да, говорю...

— Ну, а отъ меня двадцать дѣвушекъ посланы грибы собирать... А вы хоть попа-то мнѣ накормите...

И ужъ такой-то былъ веселый, да ласковый... Царство ему небесное!..

— — —

По другую сторону села Михайловскаго, тоже по близости, въ деревенькѣ Богомолы доживаетъ свой долгій вѣкъ мужичекъ Иванъ Павловъ.

6-го іюня 1907 года мы познакомились съ нимъ.

Нашъ возница предупреждалъ:

— Ну, и плоха же у него изба... Господамъ и войтить страшно...

А зато, какъ хорошо вокругъ: колосится, хоть и чахлая, рожь, заливаются жаворонки, пестрѣютъ полевые цвѣты, зеленѣютъ кустарники, роще, ярко отражается солнце въ рѣкѣ...

Дворъ Ивана Павлова — бѣдный, жалкій крестьянскій дворъ. На улицу выходитъ изба съ маленькимъ оконцемъ, она

поновѣе, чѣмъ задняя изба, въ которой мы нашли Ивана Павлова.

Та изба курная, безъ трубы. Надо подняться на нѣсколько ступенекъ по лѣсенкѣ на помость передъ сѣнцами, надъ которыми обвалилась соломенная крыша и виднѣется въ дыры голубое яркое небо, и тогда войти черезъ сѣнцы въ черную прокоптѣвшую избу Ивана Павлова.

Ѣдкій печной дымъ синими облаками клубится по избѣ и щиплетъ непривычные ваши глаза. Въ углу—образа, среди стола и скамей колыбелька ребенка, и на нарахъ валяется больной старикъ, въ овчинномъ тулупѣ.

Что его приковываетъ къ этой курной, прокоптѣвшей избѣ, отравленной Ѣдкимъ дымомъ? Вѣдь лучше же на дворикѣ, гдѣ снуютъ куры, тамъ и свѣтло, и тепло, и дышется легко...

Но старикъ любить свою прокоптѣвшую пору и ему кажется лучше валяться тамъ.

Съ наръ поднялся косматый, босой, высокій старикъ, протянулъ руку:

— Здравствуй... Эй, бабы, подпашите избу!..

И только по настоятельной просьбѣ онъ согласился принять гостей въ своемъ дворѣ.

Тамъ и вели мы бесѣду. Иванъ Павловъ, видимо, сохранилъ ясную, острую память, и мужикъ онъ умный. Его воспоминанія относятся къ 1824, 1825 и 1826 годамъ.

— Чаво-жъ мнѣ ня помнить Ляксандра Сергѣича Пушкина, коли я съ нимъ ни разъ и купался вмѣстѣ въ рѣчкѣ-то Сороти. Въ жаркіе дни ёнъ покупаться любилъ. Да еще когда ёнъ гуливалъ по нашимъ мѣстамъ, али на ярманку, тоже я иной разъ при немъ находился. Я въ тѣ поры уже землю пахалъ, — стало, — на возрастѣ былъ... А сколько мнѣ теперь годовъ — Богъ вѣдаетъ, а мнѣ неизвѣстно... Може, годовъ коло ста... Былъ я съ лакеемъ Ляксандра Сергѣича пріятель, съ Якимомъ-то Архиповымъ, а ёнъ и на Капказѣ съ Ляксандромъ Сергѣичемъ былъ... Въ лицо, какъ сейчасъ Ляксандра Сергѣича помню... Былъ ёнъ съ волосъ темный, курчастый, а въ платѣ ходилъ

то въ нѣмецкомъ, а то въ красной рубахѣ съ поясомъ, да въ штанахъ плисовыхъ, а голенищи тоже по русски,—только что шляпа, а то какъ бы и не баринъ... Да съ мужиками то ёнъ больше любилъ знаться... но и господа къ нему по вечерамъ наѣзжали и съ барынями—тогда февирьки, да ракеты пущали, да огни,—и съ пушки палили для потѣхи... Пушка такая для потѣхи стояла завсегда около воротъ, еще съ давнишнихъ поръ... Какъ же, дескать: у Пушкиныхъ, да безъ пушки?..

Мужики его всѣ кругомъ одобряли, потому—ёнъ разговорчивый былъ на все... Умственный былъ господинъ и добрѣйшій... Кто его о чемъ просить, никому отказу не было... А какъ увидить: дѣвки навозъ возять,—всѣмъ велить вкругъ сойтись, да пѣсни пѣть, а самъ слушаетъ да чего-то пишетъ, а послѣ денегъ дастъ... Ребята землянику наберутъ на продажу, а ёнъ у нихъ купить, да имъ же и отдастъ ту землянику:

— Ну, теперь вы землянику съѣшьте, дѣтки: деньги за нее заплачены!

Быль ёнъ въ тѣ поры къ намъ присланъ: подѣ началомъ находился. И за что только его начальники притѣсняли, намжа ихъ вѣдае, а ёнъ никого не боялся. Съ жандармамъ дерзко разговаривалъ.

А стариковъ-нищихъ, которы пѣсни поютъ, обласкивалъ, да просилъ еще пѣть, и денегъ давалъ, а самъ все на бумажку списывалъ...

И про котораго узнаетъ мужика, что тотъ пѣть гораздъ, сейчасъ нанимаетъ его пѣсни пѣть... А самъ все слушаетъ, да нѣтъ-нѣтъ — и попишетъ...

Много по полямъ, да по рощамъ гулялъ и къ мужикамъ захаживалъ для разговора. Знамо: сустрѣтятся люди, такъ пивожь сопѣтъ?.. Будутъ разговоры разговаривать... А ёнъ мужицкіе разговоры любилъ...

Богъ привелъ миѣ и при томъ быть, какъ уѣзжалъ отъ насъ Ляксандра Сергѣичъ...

Осень только-что начиналась. И не чаялъ-то Ляксандра Сергѣичъ своєю отъѣзду... Со мной по ярманкѣ въ Св. Горахъ гу-

лялъ... А къ ему—жандаръ, откуда ни возьмись, претъ:

— Подполковникъ васъ къ себѣ требуетъ...

А Ляксандра-то Сергѣичъ Пушкинъ и отвѣчаетъ тому жандару таково скоро:

— Я,—говоритъ,—вашему подполковнику ж.. ой кланяюсь!..

Глядь,—и самъ исправникъ, а съ нимъ и подполковникъ жандарскій въ тарантасѣ ѣдутъ, да прямо къ Ляксандру Сергѣичу.

Принялся исправникъ у него пардону просить, а Ляксандра Сергѣичъ смягчился:

— Ничего,—говоритъ,—ничего!..

И тутъ же коляска подметаешь, а въ ней фельдъегерь, слышь, изъ Москвы: Ляксандру Сергѣичу милость пришла: въ столицю вызываютъ... Ну и какъ же онъ обрадовался—палку выронилъ...

— Ёдемъ!..—говоритъ.—А!.. такъ! Я свободенъ!.. Сейчасъ ёдемъ!.. Въ Москву!..

Фельдъегерь-то ему: не желаютъ-ли домой заѣхать, въ Михайловское, такъ Ляксандра Сергѣичъ и рукамъ замахалъ;

— Въ Москву!.. Прямо въ Москву!

Да въ коляску и сѣлъ...

Я ему и палку подалъ.

И укатилъ ёнъ съ фельдъегеремъ въ
столицю изъ нашихъ мѣстовъ...

Такъ-то...

ГОГОЛЬ.

О Н. В. Гоголѣ.

(Воспоминанія О. В. Головна *).

Ольга Васильевна Головна, родная сестра Н. В. Гоголя, чудная старушка: добрая, привѣтливая. Ей 78 лѣтъ, но едва ли на видъ ей можно дать больше шестидесяти. Одѣта она во все свѣтлое и совершенно не терпитъ чернаго цвѣта.

— Съ тѣхъ поръ, какъ пришлось носить трауръ по братѣ...—сказала мнѣ она.

Ненависть ея къ черному цвѣту была одной изъ причинъ, почему она не поѣхала въ Москву на чествованіе памяти брата.

---

*) Изъ книжки: «Ясная Поляна и Васильевка».

— Пришлось бы одѣваться для панихиды въ черное...

Она не держитъ даже черныхъ индюшекъ и куръ, только бѣлыхъ и пестрыхъ держитъ.

Ольга Васильевна нѣсколько глуха на оба уха, но это не отъ старости: она съ дѣтства оглохла, съ шести лѣтъ:

— Отъ золотухи...

Глухою зналъ ее и любилъ ся великій братъ, и вотъ какъ относился онъ къ этому ея недостатку:

— Однажды въ моемъ присутствіи, — рассказала мнѣ Ольга Васильевна, — братъ велъ оживленный разговоръ съ одной дамой. Потомъ я сказала брату: «Какъ жаль, что я глуха, не слышала вашего разговора»... А онъ отвѣтилъ: «Это хорошо, что ты глуха: ничего дурного не слышишь»... Онъ и самъ былъ немножко глуховатъ, но только на одно ухо, и при разговорѣ иногда склонялся ухомъ къ говорившему и спрашивалъ: «А?..»

Нужно громко говорить, чтобы слышала Ольга Васильевна. Она любитъ поговорить; сама любитъ вспоминать о братѣ.

Я пробылъ въ Васильевкѣ цѣлый день. Ольга Васильевна нѣсколько разъ рассказывала о братѣ, я записалъ все, что отъ нея услышалъ. Самъ я не рѣшался безпокоить добрую старушку разспросами, я только высказалъ удивленіе, почему вотъ на этомъ портретѣ Николая Васильевича художникъ изобразилъ волосы и глаза темнѣе, чѣмъ на портретахъ, которые въ Третьяковской галлерей.

— Тѣхъ портретовъ я не видѣла,— сказала Ольга Васильевна,— а брата представляю себѣ именно такимъ, какимъ видите вы его на этомъ портретѣ... Помню я брата почти съ моего дѣтства. Мнѣ было уже двадцать шесть лѣтъ въ 1852 году, когда онъ умеръ. Онъ былъ на шестнадцать лѣтъ старше меня: онъ родился въ девятомъ, а я—въ двадцать пятомъ году, и замѣтьте, въ одинъ и тотъ же день, 19 марта, родился мы: онъ, —первый сынъ, и я — послѣдняя дочь въ нашей семьѣ. Это случайность, что онъ родился въ Сорочинцахъ... Вотъ какъ это было. У нашей матери было два выкидыша... Послѣ того

родители молились предъ чудотворной иконой и дали обѣщаніе, что если родится у нихъ сынъ, то назовутъ его Николаемъ, во имя святителя Николая Чудотворца. Тогда трудно было устроить, чтобы пріѣхали къ вамъ во-время акушерка или докторъ. Когда пришло время, отецъ поѣхалъ съ матерью къ доктору Трофимовскому, въ его имѣніе Сорочинцы. И вотъ родился тамъ, въ домѣ доктора, мой братъ, и родители назвали его Николаемъ. Братъ любилъ вспоминать о томъ, почему назвали его Николаемъ. Какъ только мать оправилась, переѣхали съ поворожденнымъ въ Васильевку. Здѣсь онъ и росъ, и жилъ... Да, я очень хорошо помню брата... Волосы у него были русые, а глаза—коричневые. Въ дѣтствѣ у него были свѣтлые волосы, а потомъ потемнѣли. Особенно у него потемнѣли волосы послѣ того, какъ онъ обрился въ Петербургѣ. Существовало такое убѣжденіе, что кто изъ Малороссіи пріѣзжаетъ въ Петербургъ, на того вода петербургская такъ дѣйствуетъ, что волосы вылѣзаютъ... И братъ, какъ пріѣхалъ

въ Петербургъ, обрился. Послѣ того волосы у него потемнѣли. Ыздилъ съ нимъ лакей отсюда, онъ и тому совѣтовалъ обриться, но лакей не послушался и лысымъ сталъ... Росту братъ былъ ниже средняго; худощавымъ я его никогда не видѣла; лицо у него было круглое, какъ видите на портретѣ, и всегда у него былъ хорошій цвѣтъ лица, я не видѣла его болѣзненно блѣднымъ... Немножко онъ былъ сутуловатъ, это замѣтнѣе было, когда онъ сидѣлъ. Говорятъ, гдѣ-то кто-то слышалъ, какъ онъ малороссійскія пѣсни пѣлъ, а я не слышала, какъ онъ пѣлъ. Онъ любилъ слушать, какъ поютъ или играютъ. Меня часто просилъ играть ему на фортепіано малороссійскія пѣсни. «А ну-ка, — говоритъ, — сыграй мнѣ «Чоботы»... Стану играть, а онъ слушаетъ и ногой притопываетъ... Ужасно любилъ онъ малороссійскія пѣсни... Видѣла я, какъ онъ разъ нищихъ позвалъ, и они ему пѣли... Но это онъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы никто изъ насъ не видѣлъ: онъ позвалъ ихъ къ себѣ въ комнату... Братъ жилъ тогда

во флигелѣ... Я рассказала этотъ случай художнику Волкову, а онъ картину такую написалъ.

Ольга Васильевна показала мнѣ фотографію съ картины.

— Вотъ, видите, художникъ написалъ террасу прежняго дома, братъ сидитъ, кобзарь поетъ, а на террасѣ, можетъ-быть, это мать, а это кто-нибудь изъ насъ, сестерь... Слушалъ братъ кобзаря не здѣсь... А вотъ на этой самой террасѣ, которую Волковъ написалъ, принималъ братъ и угощалъ однажды мужиковъ, при этомъ и я была... Попросилъ братъ напечь пироговъ съ сыромъ, приготовить наливки и позвать всѣхъ тяглыхъ мужиковъ, имѣющихъ воловъ и отбывающихъ барщину. Когда они всѣ собрались, угощалъ ихъ братъ, каждому далъ по два рубля и сказалъ:

— Спасибо вамъ, братцы, что вашими волами вы моей матери землю обрабатываете!..

Мужики были очень удивлены, а одинъ изъ нихъ бросился брату въ ноги и воскликнулъ:

— Баринъ, ужъ будьте вы сами хозяиномъ!..

Братъ совѣтовалъ мужикамъ каждому обзаводиться скотиной, стараться, работать, чтобы зажиточными быть.

— Старайтесь, чтобы у васъ все было, — скалалъ тогда мужикамъ братъ.

Однажды братъ прислалъ матери денегъ, просилъ купить и раздать по теленку тѣмъ мужикамъ, у кого нѣтъ скотины, чтобы обзаводились.

Какъ-то позвалъ меня братъ:

— Пойдемъ, сестра, къ мужикамъ...

Пошли мы съ нимъ. Зашли въ одну хату: чистота, порядокъ, хотя и не видно лишняго... Одна баба дома оказалась... Обрадовалась намъ: „Вотъ, — говоритъ, — сегодня ко мнѣ двѣ пташки влетѣли, къ чему-то думаю?.. А вотъ оно такъ и вышло: опять вижу — двѣ пташки ко мнѣ влетѣли... Сядьте, — говоритъ, — покушайте“... Не успѣли мы возразить, какъ она яицъ нѣсколько штукъ разбила на сковородку, солону въ печкѣ зажгла и уже яичницу намъ подаетъ. Намъ со-

всѣмъ не хотѣлось ѣсть, но пришлось поѣсть яичницы, чтобы не обидѣть бабу. Въ другую хату пришли, видно, прямо богато живутъ... Братъ обрадовался и сталъ хозяина хвалить за то, что онъ старается, работаетъ и сберегаетъ... И сталъ говорить изъ Евангелія, что кто много имѣетъ, тому еще больше Богъ пошлетъ, что нужно стараться, работать. Еще въ одну хату зашли: бѣдность кругомъ—и грязно, неряшливо... Мужикъ въ той хатѣ сталъ кланяться, просить помощи на бѣдность свою. Братъ огорчился и ничего не далъ мужику тому и посрамилъ, что онъ не умѣетъ заработать, зажитися. И больше въ тотъ разъ не захотѣлъ братъ заходить въ другія хаты, пошли мы съ нимъ домой.

Онъ былъ мнителенъ: не расхвораться бы; часто лѣчился. Просилъ меня дѣлать ему цѣлебныя настойки. Мы ходили съ братомъ въ степь, и онъ указывалъ мнѣ тамъ цѣлебныя травы, о которыхъ, впрочемъ, онъ и самъ зналъ мало... Указывалъ желтенькіе цвѣточки, похожіе на

пуговочки, а листья, какъ у рябины, и говорилъ:

— Это -- „рябинка“, полезная трава... Ты сдѣлай мнѣ изъ нея настойку.

Еще просилъ сдѣлать настойку, которая называется: „Бѣлая невхороць“, и лѣчился этой настойкой. Часто братъ любилъ говорить мнѣ, что каждый человекъ непременно долженъ стараться быть полезнымъ для другихъ, чѣмъ только онъ въ силахъ; нельзя жить только для себя одного... Я долго думала, чѣмъ бы я могла быть полезной другимъ?.. Надумала лѣчить. Тогда по деревнямъ ни докторовъ, ни фельдшеровъ не было. Брату очень понравилась моя мысль. Посоветовалъ онъ мнѣ научиться лѣчить травами, и тогда мы съ нимъ старались вмѣстѣ распознавать въ степи какъ можно больше цѣлебныхъ травъ. Дѣло шло плохо: мы очень мало знали. Братъ говорить:

— Вотъ подожди, я выйшу изъ Кіева профессора Максимовича, онъ пріѣдетъ и насъ поучитъ.

Пріѣхалъ Максимовичъ къ намъ, при-

везъ книги и сталъ намъ всякія травы показывать и объяснять... И по книгамъ, и въ лѣсу травы искали, и въ степь ходили. Мы съ братомъ слушаемъ, смотримъ... Вижу, что мнѣ и въ нѣсколько лѣтъ всего не усвоить и говорю профессору Максимовичу: „Вы ужъ мнѣ только однѣ полезныя для лѣкарствъ, цѣлебныя травы показывайте“... Сталъ онъ только однѣ цѣлебныя травы показывать... И всетаки не очень-то многому научились мы въ двѣ недѣли, пока гостилъ у насъ профессоръ Максимовичъ. Однако, чему научились, тѣмъ стали пользоваться: лѣчить крестьянъ. Скоро у меня стали очень многіе лѣчиться. Братъ говорилъ:

— Только смотри же, никогда за лѣкарства денегъ не бери.

По ту сторону пруда, гдѣ теперь домъ и садъ Быковыхъ, тамъ нигдѣ не было дорожекъ. Братъ захотѣлъ расчистить дорожки. Крестьяне имѣли въ недѣлю три дня свободныхъ отъ панщины. Братъ нанималъ крестьянъ въ ихъ свободные дни, и они расчищали дорожки; по утрамъ

иногда уходилъ онъ смотрѣть, какъ работаютъ. Однажды братъ меня спрашиваетъ:

— Можешь ты встать къ тремъ часамъ утра, къ восходу солнца?

Я отвѣтила: „Если нужно, то могу“.

— Такъ, пожалуйста, я тебя прошу, завтра къ тремъ часамъ будь за прудомъ, гдѣ расчищаютъ дорожки и понаблюдай за работами, пока я приду.

На завтра я встала рано и уже къ тремъ часамъ была за прудомъ и смотрѣла, какъ работали; въ седьмомъ часу братъ пришелъ, отпустилъ меня домой, а самъ остался. Вздумалось брату сдѣлать тамъ же, въ лѣсу, по ту сторону пруда, возвышеніе. Стали насыпать земли: бугоръ вышелъ, словно могила... Онъ хотѣлъ каждый годъ постепенно прибавлять земли къ этому возвышенію, чтобы съ вершины далеко видно было кругомъ... Впослѣдствіи на этомъ возвышеніи дерево посадили и теперь оно растетъ...

Братъ вставалъ въ шесть часовъ утра, пилъ кофе и садился писать. Иногда послѣ утренняго кофе шелъ въ лѣсокъ,

по ту сторону пруда, понаблюдать, какъ тамъ работали, расчищали дорожки, и уже вернувшись оттуда, садился писать. Занимался до часу дня, иногда до двухъ. Онъ каждый день писалъ; кажется, насколько я помню, и въ праздники братъ писалъ. Послѣ занятій уходилъ въ садъ гулять. Потомъ обѣдали. Послѣ обѣда, часа въ четыре, братъ уходилъ каждый день пѣшкомъ въ Яворивщину: тамъ пасѣка наша и лѣсъ. Это за четыре версты отсюда. Около семи часовъ вечера онъ возвращался домой; всѣ собирались въ гостиной и занимались какимъ-нибудь рукодѣльемъ.

Иногда братъ говорилъ:

— Вотъ вы всѣ за дѣломъ, а у меня нѣтъ работы.

И принимался раскрашивать библейскія картинки, которыя онъ привезъ. Эти картинки, размалевавши красками, онъ просилъ меня раздать мужикамъ и объяснить имъ, что на картинкахъ изображено, и просилъ рассказать мужикамъ библейскую исторію.

Пили поздній вечерній чай, и часовъ въ девять или десять вечера братъ, какъ и всѣ мы, ложился спать.

Такъ изо дня въ день.

Пріѣзжалъ братъ въ Васильевку обыкновенно въ маѣ, такъ числа девятаго, а уѣзжалъ въ концѣ августа.

Однажды, когда пріѣхалъ братъ, былъ голодный годъ. Хлѣба были такіе низенькіе, что бабы руками вырывали ихъ изъ земли, потому что нельзя было захватить серпомъ... Машинъ тогда не было.

Мы шли съ братомъ изъ Яворивщины; онъ остановился посмотрѣть, какъ бабы работаютъ: хлѣба изъ земли вытаскиваютъ... Стали плакаться бабы, какъ имъ трудно теперь, какъ руки саднятъ, болятъ... А братъ утѣшалъ ихъ:

— Это хорошо, что такъ теперь страдаете, зато будетъ вамъ блаженство въ Царствѣ Небесномъ.

Былъ у насъ въ Яворивщинѣ старикъ-пасѣчникъ, и тоже при мнѣ сталъ онъ брату жаловаться, какъ трудно ему старость переносить... И ему тоже братъ сказалъ:

— Это хорошо, что трудна тебѣ старость: выстрадаешь себѣ Царство Небесное.

А пасѣчникъ отвѣтилъ:

— Эхъ, панъ, что больше живешь, то больше грѣха наберешься!..

Часто братъ давалъ деньги для помощи истинно нуждающимся. Если ему говорили, почему онъ о себѣ не думаетъ, что самому ему понадобятся деньги, онъ отвѣчалъ:

— Я и думаю о себѣ... Это я взаимы даю: на томъ свѣтѣ я получу обратно.

Одинъ разъ, когда мы шли съ нимъ изъ церкви, братъ на ходу правой рукой обнялъ меня за шею, печально склонилъ голову къ моему плечу и сказалъ:

— Сестра, какъ бы это устроить, чтобы давали въ церкви просфору не только однимъ панамъ, но всѣмъ бы молящимся?.. Вотъ что: я буду тебѣ присылать денегъ, а ты покупай муки на просфору... Каждое воскресенье пусть разрѣжутъ двадцать пять просфоръ, каждую на четыре части, и чтобы въ церкви давали всѣмъ...

Такъ мы и дѣлали.

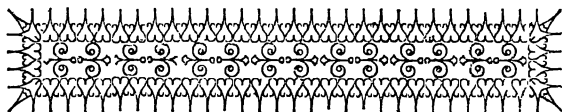
Съ каждымъ прїѣздомъ все чаще жаловался братъ на боль въ груди.

— Вотъ тутъ больно, — показывалъ онъ.

Холода онъ очень боялся. Въ послѣдній разъ онъ уѣхалъ отсюда съ намѣреніемъ прожить зиму въ Римѣ, но захалъ въ Москву, а тамъ друзья стали упрашивать его остаться, пожить въ Россіи, не ѣздить въ Римъ... Братъ очень отговаривался, все повторялъ, что ему вредны морозы... А надъ нимъ подшучивали, увѣряли его, что это ему только такъ представляется, что отлично онъ перенесетъ зиму въ Россіи... Уговорили брата... Онъ остался—и умеръ...

ЛЕРМОНТОВЪ.

Нъ разсказамъ о М. Ю. Лермонтовѣ.

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуеть онъ въ забавахъ міра...

Пушкинъ.

В. И. Шенрокъ разсказалъ мнѣ и разрѣшилъ печатать о томъ, что привелось ему слышать о М. Ю. Лермонтовѣ отъ лицъ, знавшихъ лично знаменитаго поэта.

Севастопольскій генералъ Александръ Ивановичъ Арнольди, нынѣ покойный, бывшій товарищемъ М. Ю. Лермонтова по военной службѣ, разсказалъ В. И. Шенроку въ 1888 году, какое впечатлѣніе производилъ Лермонтовъ на окружающее

его свѣтское общество и на товарищей офицеровъ.

— Мы не обращали на Лермонтова никакого вниманія,—разсказывалъ Арнольди, и никто изъ насъ и нашего круга не считалъ Лермонтова настоящимъ поэтомъ, выдающимся человѣкомъ. Тогда еще немногія стихотворенія Лермонтова были напечатаны и рѣдкія нами читались... Въдѣ много лучшихъ произведеній Лермонтова появилось въ печати уже послѣ его смерти... Его чисто школьническія выходки, продѣлки многихъ раздражали и никому не нравились. Лермонтовъ былъ неуживчивъ, относился къ другимъ пренебрежительно, любилъ ядовито остричь и даже издѣваться надъ товарищами и знакомыми, его не любили, его никто не понималъ.

— Даже и теперь, — говорилъ А. И. Арнольди, — я представляю себѣ непременно два Лермонтова: одного—великаго поэта, котораго я узналъ по его произведеніямъ, а другого—ничтожнаго, пустого человѣка, какимъ онъ мнѣ казался, дерзкаго, безпокойнаго офицера, непріятнаго

товарища, со стороны котораго всегда нужно было ждать какой-нибудь шпильки, обидной выходки... Мы всѣ, его товарищи-офицеры, нисколько не были удивлены тѣмъ, что его убилъ на дуэли Мартыновъ, которому столько непріятностей дѣлалъ и говорилъ Лермонтовъ; мы были увѣрены, что Лермонтова все равно кто-нибудь убилъ бы на дуэли: не Мартыновъ, такъ другой кто-нибудь... И вотъ никакъ я не могу въ своемъ представленіи соединить Лермонтова—забіяку, молодого офицера и Лермонтова—великаго поэта...

Супруга рязанскаго губернатора Мереца Александровна Новосильцева лично знала Лермонтова и говорила о немъ съ матерью В. И. Шенрока. Губернаторша очень раздражалась, когда вспоминала о М. Ю. Лермонтовѣ,—можетъ быть, онъ ей какъ-нибудь «насолилъ» своими остротами,—и крайне рѣзко отзывалась о немъ:

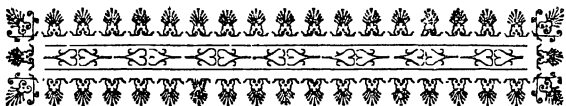
— Дрянъ человекъ!.. Заносчивый, дерзкій...—говорила губернаторша.

Такое отношеніе къ личности М. Ю. Лермонтова людей, знавшихъ его, вполне под-

тверждается напечатанными до сихъ поръ многочисленными воспоминаніями о немъ. И эти мелкіе штрихи, которые записалъ я со словъ В. И. Шенрока, еще разъ доказываютъ, что общество того времени раздражало поэта, дѣлало его «несноснымъ» и не умѣло подмѣтить въ Лермонтовѣ душу чуткую, болѣзненно впечатлительную, глубоко страдающую душу поэта, полную вдохновеній высокихъ и безконечной любви...

ТУРГЕНЕВЪ.
ДОСТОЕВСКИЙ.
ЩЕДРИНЪ.
НЕКРАСОВЪ.

Памяти Н. Г. Бунина.

Я собралъ нѣсколько штриховъ, касающихся И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достоевскаго, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. А. Некрасова отъ знавшаго лично этихъ писателей Николая Григорьевича Бунина, о которомъ упоминаетъ И. С. Тургеневъ въ письмѣ къ другу многихъ литераторовъ—Михаилу Александровичу Языкову слѣдующими словами:

«Спасское, 10-го августа 1881. Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, получилъ я ваше письмо и вмѣстѣ съ нимъ охотничій рассказъ г. Бунина, который я прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Описаніе того далекаго края и людей весьма живо и характерно, и не

одинъ во мнѣ охотникъ, но и литераторъ остался вполне доволенъ. Поблагодарите г. Бунина за его любезность отъ моего имени и такъ какъ онъ, вѣроятно, не ограничится однимъ этимъ рассказомъ, то скажите ему, чтобъ онъ и впредь меня не забывалъ...

Дружески жму вашу руку и остаюсь преданный вамъ *И. Тургеневъ*».

Полностью это письмо напечатано въ книгѣ: «Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева» (1840—1883). Изданіе о-ва для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб., 1884 г., стр. 382)». Тамъ же напечатаны слѣдующія примѣчанія:

1) М. А. Языковъ, управляющій акцизными сборами въ Новгородѣ, пріятель Бѣлинскаго *), Панаева, Грановскаго, В. Боткина. Тургеневъ упоминаетъ о немъ въ неизданной поэмѣ «Поцъ» (1844 г.):

«Языковъ самъ, столь важный, столь
пріятный,
Меня прочтетъ съ улыбкой благодат-
ной».

---

*) Жена М. А. Языкова, Екатерина Александровна, нарисовала портретъ Бѣлинскаго, весьма распространенный въ репродукціяхъ.

2) «Разсказъ Бунина, подъ названіемъ: «Старый знакомый» (изъ разсказовъ «Охотника-переселенца»), напечатанъ въ мартовской книжкѣ журнала Природа и Охота за 1881 г., № 3».

Большая часть печатавшихся въ охотничьихъ журналахъ разсказовъ Н. Г. Бунина издана въ 1900 году его дочерью, Маріей Николаевной Буниной, въ видѣ довольно объемистой книги, подъ заглавіемъ: «Разсказы охотника».

Н. Г. Бунинъ род. въ 1833 г. и, слѣдовательно, былъ уже старикъ, когда разсказывалъ мнѣ эти свои воспоминанія. Но память его была еще довольно свѣжа, и онъ оставался весьма интереснымъ, остроумнымъ собесѣдникомъ, и еще, хоть изрѣдка, появлялись охотничьи разсказы изъ-подъ его талантливаго пера. Записанные мною его воспоминанія были, съ его разрѣшенія, напечатаны въ газетѣ 4 іюля 1902 г. Затѣмъ Н. Г. Бунинъ написалъ мнѣ, что я вѣрно передалъ въ печати его воспоминанія, и только просилъ вставить нѣкоторыя подробности пер-

вой его встрѣчи съ Тургеневымъ на охотѣ, что я исполнилъ, дополнивъ эту статью. Въ октябрѣ 1902 г. Н. Г. Бунинъ умеръ.

Съ Тургеневымъ Н. Г. Бунинъ познакомился раньше, чѣмъ съ другими писателями. Это знакомство завязалось случайно въ 1860 или 1861 г., въ концѣ августа или въ началѣ сентября, на охотѣ по куропаткамъ, въ щигровскомъ уѣздѣ, курской губерніи.

Бунинъ съ любимой собакой охотился въ знакомыхъ мѣстахъ и, выбравшись на пригорокъ, увидалъ вдали еще двухъ охотниковъ, идущихъ тѣми же мѣстами, почти по его слѣдамъ: одинъ былъ въ свѣтлой круглой шляпѣ съ широкими полями, очевидно—баринъ, а другой, насколько можно было судить по костюму и блинообразному картузу, съѣхавшему у него на самый затылокъ—проводникъ изъ типичныхъ дворовыхъ крѣпостного времени. Первый выстрѣлилъ по куропаткамъ, и Бунинъ замѣтилъ, какъ одна изъ птицъ, отдѣлившись отъ стада, пролетѣла еще

шаговъ полтора ста въ сторону и свалилась въ кустъ. Собака стрѣлявшаго и, повидимому, не замѣтившаго направленія полета «подранка» охотника, конечно, не могла, по дальности разстоянія, «причуть» упавшую птицу, хотя охотникъ довольно долго топтался «на кругахъ» вблизи мѣста, откуда стрѣлялъ.

Къ Бунину подошелъ высокаго роста солидный мужчина и страннымъ для этой массивной фигуры, нѣжнымъ, почти дѣтскимъ голосомъ заговорилъ съ большимъ сожалѣніемъ о томъ, что собака его на сей разъ оплошала... Бунинъ сказалъ, что хорошо запримѣтилъ то мѣсто, гдѣ свалилась птица. Это замѣтно утѣшило того охотника. Пошли вмѣстѣ. Собака Бунина, по его указанію вскорѣ нашла подбитую Тургеневымъ курошатку, уже мертвую. Тургеневъ очень благодарилъ за эту охотничью услугу своего новаго знакомаго.

Сопровождалъ Тургенева на охотѣ Афанасій, крѣпостной мужикъ помѣщика Черемисина. Н. Г. Бунинъ не былъ увѣренъ, что фамилію помѣщика помнилъ

вѣрно. Несомнѣнно только, что этого Афанасія описалъ Тургеневъ подъ именемъ Ермолая.

Такъ завязалось знакомство Н. Г. Бунина съ Тургеневымъ.

На завтра, по приглашенію Тургенева, Бунинъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ на охоту, и такъ ѣздили они вмѣстѣ дня три.

Тургеневъ былъ общителенъ и очень располагалъ къ себѣ. Это было необычайное обаяніе личности, не знаменитаго писателя, а просто человѣка сердечнаго, отзывчиваго, внимательнаго. Не торопливый, всегда спокойный, Тургеневъ волновался только на охотѣ. Какъ онъ досадовалъ, когда ему случалось пропуделять, — волновался и старался доискаться причины промаха, и что нибудь найти въ свое оправданіе.

Въ эти первые дни между Тургеневымъ и Бунинымъ не возникало никакихъ разговоровъ, кромѣ разговоровъ объ охотѣ, о собакахъ, о знакомыхъ мѣстахъ...

Въ ту же зиму, или на слѣдующій

годъ, Бунинъ встрѣчалъ Тургенева въ Курскѣ, у общихъ знакомыхъ и въ клубѣ. Затѣмъ они встрѣтились только чрезъ пятнадцать лѣтъ.

Обстоятельства этой встрѣчи не всѣмъ обыкновенны. Бунинъ, уже много лѣтъ до того служившій въ акцизѣ, въ это время служилъ въ Боровичахъ въ должности старшаго помощника акцизнаго надзирателя. Его начальникъ, управляющій акцизными сборами въ Новгородѣ, Михаилъ Александровичъ Языковъ, другъ многихъ извѣстныхъ писателей, относился къ нему не какъ начальникъ, а какъ добрый знакомый и очень поощрялъ Бунина продолжать работать на литературномъ поприщѣ, послѣ того, какъ познакомился съ его охотничьими рассказами въ рукописяхъ.

Никогда Бунинъ не получалъ отъ Языкова никакого распоряженія по службѣ иначе, какъ въ самой дружеской формѣ. И вдругъ, въ 1875 или 1876 году Бунинъ получилъ въ Боровичахъ депешу

отъ Языкова, въ которой самымъ официальнымъ, сухимъ тономъ предписывалось, «съ полученіемъ сего», сряду же выѣхать въ Новгородъ и, по пріѣздѣ, въ любой часъ ночи, безъ малѣйшаго промедленія, явиться въ акцизное управленіе. При управленіи была и квартира Языкова. Бунинъ очень встревожился этимъ необычайнымъ по своей формѣ вызовомъ и помчался въ Новгородъ. Пріѣхалъ онъ въ двѣнадцатомъ часу ночи и какъ былъ съ дороги, не переодеваясь, вошелъ въ акцизное управленіе.

На звонокъ вышелъ самъ Языковъ и привѣтливо сказалъ:

— А, пріѣхали?.. Пойдемте...

И повелъ Бунина въ кабинетъ.

Передняя и гостиная, чрезъ которую проходили, были еле освѣщены. Яркое освѣщеніе было только кабинетъ. При входѣ въ эту комнату, Бунинъ увидѣлъ на турецкомъ диванѣ прежде всего огромныя подошвы, потомъ огромную фигуру мужчины, лежавшаго съ газетой, которую онъ читалъ. За газетой не было видно лица. Это былъ Тургеневъ.

Услышавъ шаги входившихъ, Иванъ Сергѣевичъ оставилъ газету, снялъ пенснѣ и поднялся съ дивана. Онъ сталъ совсѣмъ сѣдой, но остался попрежнему привѣтливымъ и обаятельнымъ.

— Какъ я радъ васъ видѣть!—встрѣтилъ Тургеневъ гостя:—простите, что васъ вызвали, въ этомъ я виноватъ...

Сюрпризъ чрезвычайно обрадовалъ Бунина. Оказалось, что Языковъ о немъ разговаривалъ съ Тургеневымъ, который сейчасъ же вспомнилъ спутника на охотѣ; прочли рассказъ Бунина, и Тургеневъ захотѣлъ повидать стараго знакомаго, поговорить съ нимъ. И говорили они долго, пока темная осенняя ночь не смѣнилась разсвѣтомъ, часовъ до 7-ми утра. Теперь уже разговоръ не ограничивался вопросами объ охотѣ,—говорилось много и по поводу литературныхъ опытовъ Бунина. Послѣдній конфузился въ присутствіи корифея литературы и какъ бы стыдился, что вотъ и онъ дерзаетъ писать. Тургеневъ ободрялъ. Особенно памятно было Н. Г. Бунину слѣдующее сра-

вненіе, которое привелъ ему Тургеневъ:

— Положимъ, вы музыкантъ, композиторъ... Вы одинъ... Вамъ хочется играть... Садитесь къ инструменту, импровизируете... Вы непременно счастливы тогда, потому что творите... И вашъ слухъ наслаждается тѣмъ, что творить ваша фантазія... Если почувствуете, что ваша импровизація должна быть интересна многимъ, а не только вамъ одному, вы ее запишете и пустите въ свѣтъ... А если импровизація ваша никому, кромѣ васъ, не интересна, все же вамъ она принесла минуты высокаго эстетическаго наслажденія... Такія минуты скрапиваютъ жизнь.

Еще дня два прожилъ въ Новгородѣ у Языкова Тургеневъ, но бесѣда Бунина съ нимъ прерывалась тѣмъ, что приходилось быть въ обществѣ съ другими лицами. Н. Г. Бунинъ помнитъ, что ему приводилось Тургенева видѣть у Языкова одновременно съ другими писателями и, можетъ-быть, именно наавтра послѣ описанной встрѣчи Бунина съ Тургеневымъ пріѣхалъ Н. А. Некрасовъ изъ своего

имѣнія,—неподалеку отъ Новгорода. Гостей у Языкова собралось много.

Тогда разговоръ перешелъ главнымъ образомъ на вопросы объ охотѣ. А въ этомъ дѣлѣ Бунинъ являлся уже весьма компетентнымъ собесѣдникомъ; его съ интересомъ слушали, его мнѣніемъ дорожили...

Бунинъ помнилъ, что, когда разговоръ касался литературы, Некрасовъ подтрунивалъ надъ Тургеневымъ, острилъ надъ «Рудинымъ», находилъ, что «Рудинъ» наводитъ скуку...

Послѣдняя встрѣча Н. Г. Бунина съ Тургеневымъ произошла въ 1879 году опять у Языкова, въ Новгородѣ. Тогда Бунинъ служилъ уже въ Новгородѣ. Тургеневъ ѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ ему устроили за 35 лѣтъ славной литературной дѣятельности чествованіе, сопровождавшееся восторженными оваціями.

Бунинъ увидалъ Тургенева на этотъ разъ сильно постарѣвшимъ... Но онъ по-прежнему живо интересовался охотой и

съ увлеченіемъ говорилъ и разспрашивалъ о «мѣстахъ», о дичи, о разныхъ случаяхъ охотничьей жизни.

Въ числѣ гостей у Языкова былъ И. О. Горбуновъ; онъ повторилъ свой тостъ генерала Дитятина, произнесенный на чествованіи писателя, «отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева». Всѣ очень смѣялись, и самъ Тургеневъ отъ души смѣялся.

Въ 1881 году Языковъ отправилъ И. С. Тургеневу рассказъ Н. Г. Бунина «Старый знакомый», отзывъ Тургенева объ этомъ рассказѣ я уже привелъ выше. Послѣ этого отзыва, Н. Г. Бунинъ, посоветовавшись съ Языковымъ, посвятилъ И. С. Тургеневу свой рассказъ «На-по-валъ» и оттискъ отправилъ Тургеневу въ Парижъ. И. С. отвѣтилъ Н. Г. Бунину письмомъ, которое погибло во время пожара въ квартирѣ Бунина. Тогда же сгорѣло полное собраніе сочиненій Тургенева съ его надписью, присланное имъ Н. Г. Бунину изъ Парижа въ роскошныхъ переплетахъ.

У М. А. Языкова собирались по нѣсколько разъ въ годъ: М. Е. Салтыковъ-Щедринъ, Ѳ. М. Достоевскій, Н. А. Некрасовъ, И. С. Тургеневъ (когда наѣзжалъ въ Россію), П. И. Вейнбергъ. Ихъ всѣхъ встрѣчалъ у Языкова Н. Г. Бунинъ. Онъ помнилъ, что между этими братьями-писателями существовали чисто товарищескія отношенія, полныя взаимной симпатіи и уваженія. Почти всѣ они были на ты. Это не мѣшало имъ часто спорить и порой добродушно язвить другъ друга. Особенно часто язвилъ Салтыковъ, язвилъ всегда остроумно и часто безжалостно. И всѣ къ нему относились какъ будто немножко съ опаской: какъ бы не попасть на зубокъ... А ужъ если кому нибудь кличку какую нибудь придумаетъ,—какъ влѣпнуть—такъ и пристанетъ къ человѣку,—и всѣ подхватятъ... Кажется, онъ прозвалъ Достоевскаго «кликушей» за его манеру, всплывъ, доводитъ споръ до крика, до болѣзненного взвизгиванія...

Когда выплывали такъ называемые,

«проклятые» вопросы, Достоевскій такъ и затрясется, и завизжитъ, и закричитъ свои обличенія, иногда ругательства.

— Кликуша, успокойся!.. говорили ему.

— Кликуша?—отвѣчалъ Достоевскій. Потерпи съ мое, и ты кликушей станешь!..

И каждый разъ, въ такомъ случаѣ, въ мужской компаніи, Достоевскій порывисто приподнималъ надъ штиблетомъ брюки и показывалъ обнаженную ногу:

— Смотрите,--вотъ!..

Кость была обтянута словно не кожей, а тончайшей пленкой. Это былъ ужасный слѣдъ каторжной тачки.

Иногда Достоевскій у Языкова читалъ. Бунинъ слышалъ, какъ онъ читалъ своихъ «Братьевъ Карамазовыхъ».

А читалъ онъ,—его чтеніе производило потрясающее впечатлѣніе. Когда слушатели ему объ этомъ говорили, онъ волновался и кричалъ:

— Развѣ я голосомъ читаю?! Я нервами читаю!.. Нервами!..

Высокій, худой, болѣзненный, нѣсколько согбенный, какъ бы сутуловатый, О. М. Достоевскій встаки производилъ отрадное впечатлѣніе необычайно добрымъ, тихимъ, кроткимъ взглядомъ своихъ глазъ. Никогда его глаза не дѣлались злыми, даже въ минуту вспышекъ и раздраженія... Взглядъ его становился только грустнымъ, но не переставалъ быть кроткимъ и добрымъ.

М. Е. Салтыковъ, напротивъ, всегда смотрѣлъ какъ будто немножко сурово и даже когда смѣялся, глаза оставались серьезными...

Н. А. Некрасовъ производилъ разное впечатлѣніе: то онъ казался старымъ, дряхлымъ, хандрилъ и становился апатичнымъ; это съ нимъ случалось, когда онъ возвращался изъ Петербурга, проигравшись въ карты. А когда долго не ѣздилъ въ Петербургъ или когда ему везло, онъ становился какъ будто и добрымъ, и гораздо моложе, и очень любознательнымъ, и внимательнымъ къ народу. Каждого встрѣчнаго мужика, бабу распро-

сигь обо всемъ, о мельчайшихъ подробностяхъ ихъ жизни... А какъ онъ умѣлъ говорить съ крестьянами!.. Хорошо онъ зналъ народную рѣчь...

Въ то время Достоевскій издавалъ *Дневникъ Писателя*. Были періоды, когда изданіе онъ не могъ выпускать аккуратно. Его очень огорчали и иногда раздражали сѣтованія подписчиковъ. Одному доктору, который написалъ ему рѣзкое письмо по поводу задержки изданія, Достоевскій вернулъ подписную плату.

Н. Г. Бунинъ ясно помнилъ, въ какой единодушный восторгъ приходили всѣ эти знаменитые писатели отъ появившагося романа Л. Н. Толстого «Война и міръ». Не было ни одного голоса, который могъ бы пайти хотя малѣйшій недостатокъ въ этомъ геніальномъ произведеніи, и большую отраду приносили всѣмъ разговоры о герояхъ этого романа, о всѣхъ деталяхъ. И всѣ восхищались великимъ, въ то время еще молодымъ писателемъ.

Достоевскій и Бунинъ сговорились вмѣстѣ ѣхать въ Старую Руссу лѣчиться и вмѣстѣ отправились въ 1878 или 1879 г. на пароходѣ по Волхову.

Они поселились въ двухъ сосѣднихъ номерахъ старорусской гостиницы и по нѣскольку разъ въ день заходили одинъ къ другому. Такъ они прожили мѣсяца два. Достоевскій лѣчился паровыми ваннами. Онъ какъ-то особенно добродушно относился ко всѣмъ людямъ, съ кѣмъ ни встрѣчался.

Достоевскій любилъ вспоминать природу того края, гдѣ онъ провелъ тяжкіе годы. Когда Бунинъ рассказывалъ, какъ хороша природа той или другой мѣстности, куда его заводила страсть къ охотѣ, Достоевскій рассказывалъ, въ свою очередь, о кедрахъ, о тайгѣ...

Страстно любилъ онъ птицъ, любилъ ихъ на свободѣ и не терпѣлъ клѣтокъ. Къ его окну слеталось множество воробьевъ; онъ угощалъ ихъ крошками бѣлаго хлѣба.

Стоило Достоевскому услышать пѣнье

или щебетанье птички, онъ останавливался и по голосу узнавалъ птичку. Любилъ вспоминать, какъ называется эта птичка тамъ, въ далекой Сибири... Бунинъ смутно припоминалъ, что Достоевскій, услышавъ овсянку, сказалъ:

— А «тамъ» ее называютъ «варакушка»...

Достоевскій особенно любилъ голубей; когда онъ видѣлъ голубей, непременно останавливался посмотреть на нихъ, и тогда скользила по его губамъ тихая, счастливая улыбка.

НЕКРАСОВЪ. ДОСТОЕВСКИЙ. ТОЛ-
СТОЙ ВЪ ЭПОХУ «ВОЙНЫ И МІРЪ».
ГЮИ-ДЕ-МОПАСАНЪ.

Воспоминанія кн. Голицына.

Некрасовъ, Достоевскій, гр. Л. Н. Толстой въ эпоху
«Войны и мѣръ», Гюи де-Мопасанъ.

Если воспоминанія каждаго о людяхъ замѣчательныхъ должны принадлежать обществу, то мнѣ жаль, что я ничего такого не записалъ... А я зналъ Ренана, Реклю и Мопасана, зналъ гр. Л. Н. Толстого, Достоевскаго и Некрасова. Теперь едва какія-нибудь только общія представленія о нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились въ моей памяти... Если то, что еще я помню, можетъ быть интересно, то не запишите-ли вы для печати?

Такъ мнѣ сказалъ князь Константинъ Константиновичъ Голицынъ.

Вотъ, что записалъ я, затѣмъ, съ его словъ:

— Некрасовъ и Достоевскаго я встрѣчалъ у Андрея Александровича Краевского, всегда въ довольно большомъ обществѣ. О нихъ помню только то, что Некрасовъ казался мнѣ милымъ, любезнымъ, внимательнымъ человѣкомъ, очень интереснымъ собесѣдникомъ, остроумнымъ, часто веселымъ рассказчикомъ. Достоевскій казался очень суровымъ и мрачнымъ, и необщительнымъ человѣкомъ; онъ вступалъ въ разговоръ и споры только съ кружкомъ своихъ тѣсныхъ знакомыхъ: онъ часто бывалъ грустенъ, унылъ и часто казался раздраженнымъ. Тяжелый, угрюмый, болѣзненно-нервный человѣкъ,—такимъ казался мнѣ Достоевскій.

Гр. Л. Н. Толстого я встрѣчалъ часто въ началѣ 70-хъ годовъ у моего дяди, князя Сергѣя Владиміровича Голицына, въ Москвѣ.

Левъ Николаевичъ много и подолгу говорилъ о событіяхъ двѣнадцатаго года, которыхъ касался въ своемъ романѣ

«Война и міръ» и которыя онъ тщательно изучалъ. Потомъ какъ разъ мнѣ привелось на офицерскомъ экзаменѣ отвѣчать о кампаніи 12-го года, и я, именно благодаря тому, что многое узналъ не столько изъ учебниковъ, сколько слушая рассказы гр. Л. Н. Толстого, — получилъ на экзаменѣ полный баллъ.

Въ то время гр. Л. Н. Толстой никакими странностями своего костюма не отличался; одѣвался онъ изысканно, изящно, хотя и нѣсколько небрежно, что называется, никогда не былъ прилизанъ. Въ манерѣ графа держать корпусъ и въ его твердой, красивой походкѣ сказывалась военная выправка.

Хотя Левъ Николаевичъ въ то время былъ весь поглощенъ событіями 12-го года, но иногда онъ меня разспрашивалъ о моихъ парижскихъ впечатлѣніяхъ. Я воспитывался въ Парижѣ, окончилъ тамъ *Licée Napoleon*, а потомъ на высшихъ курсахъ Сорбонны слушалъ лекціи Ренана и Реклю. Изъ Парижа пріѣхалъ я плохо зная русскій языкъ, такъ что по-

томъ съ трудомъ окончилъ гимназію въ Москвѣ. И даже окончивъ русскую гимназію, я въ то время предпочиталъ рассказывать гр. Л. Н. Толстому мои впечатлѣнія по-французски, — это мнѣ было легче. Я былъ свидѣтелемъ парижской коммуны въ 71-мъ году; я видѣлъ обѣ осады Парижа... Гр. Л. Н. Толстой всѣмъ интересовался: и Реклю, и Ренаномъ, и парижской коммуной.

Я рассказывалъ гр. Л. Н. Толстому, между прочимъ, о Реклю, что онъ не столько обращалъ вниманія на то, чтобы слушатели его лекцій знали, гдѣ какой городъ и притокъ рѣки, сколько на то, чтобы всѣ хорошо знали, чѣмъ богата каждая страна и какое ея общественное состояніе... О Ренанѣ рассказывалъ я, между прочимъ, какъ онъ сравнивалъ всѣ вѣроисповѣданія... Левъ Николаевичъ много разспрашивалъ о Ренанѣ.

Подробно разспрашивалъ меня гр. Л. Н. Толстой объ ужасахъ междоусобной войны, о парижской коммунѣ. И понынѣ я безъ содраганія не могу вспомнить того, что

видѣлъ въ Парижѣ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ 1871 года. Много видѣлъ я потомъ крови и людскихъ смертей: офицеромъ 13-го нарвскаго гусарскаго полка я принималъ участіе въ войнѣ съ Турціей... Но никакіе ужасы войны не могутъ сравниться со сценами насилія и человѣческаго озвѣренія, съ тѣми сценами жестокости и кровожадности, какія бываютъ въ междоусобной войнѣ. Когда я рассказывалъ гр. Л. Н. Толстому о парижской коммунѣ, мои воспоминанія о ея ужасахъ были ярки. Особенно подробно Левъ Николаевичъ разспрашивалъ меня о второй осадѣ Парижа.

Гр. Левъ Николаевичъ Толстой ровно на двадцать лѣтъ старше меня, поэтому онъ меня, въ то время двадцатитрехлѣтняго молодого человѣка называлъ на «ты»; онъ указывалъ иногда мнѣ на мою привычку слишкомъ откровенно высказываться и говорилъ мнѣ: «языкъ твой—врагъ твой». Иногда гр. Л. Н. Толстой называлъ меня: «Безпабашная голова». Онъ всегда относился ко мнѣ, какъ и ко всѣмъ

нашимъ знакомымъ, сердечно и внимательно, и я сохранилъ о немъ воспоминаніе, какъ о превосходномъ человѣкѣ. Съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались.

Когда окончилась турецкая война, я опять уѣхалъ въ Парижъ и тамъ познакомился съ Гюи-де-Мопасаномъ.

Я встрѣчалъ Гюи-де Мопасана во многихъ знакомыхъ домахъ нашего круга. Особенно часто мы встрѣчались у одного изъ братьевъ де-Гонкуръ и у виконта де-Нусакъ, который приходится мнѣ двоюроднымъ дядей по моей матери, урожденной маркизѣ Бланшаръ-де-ля-Бордери. Виконтъ де-Нусакъ, мой дядя, еще живъ: это теперь глубокой старикъ; жилъ онъ всегда холостякомъ—такъ и не женился. У него собиралось большое общество, все больше холостяки, бывали и дамы, но такія, которыя не стѣсняются бывать у холостяковъ. У виконта де-Нусакъ всегда завтракало, обѣдало и ужинало большое общество, особенно много подавалось трюфелей съ собственныхъ плантацій де-Ну-

сака и вина его же собственныхъ вино-
радниковъ. Гюи-де-Мопасанъ любилъ по-
сѣщать виконта де-Нусака и подолгу
иногда у него засиживался.

Когда появлялся Гюи-де-Мопасанъ,
общество какъ-то особенно оживлялось,
разговоры становились содержательнѣе;
каждый старался сказать что-нибудь очень
остроумное,—въ этомъ состязались. Пи-
кантныя двусмысленности, которыя, ка-
жется, только на одномъ французскомъ
языкѣ возможны въ предѣлахъ приличія, —
въ этомъ тоже состязались. Звали Гюи-
де-Мопасана: Beau Causeur,—прекрасный
разсказчикъ; и дѣйствительно: удивительно
интересно, увлекательно, захватывающе
какъ-то онъ говорилъ... И общество всегда
особенно любило его слушать... Онъ могъ
говорить интересно и увлекательно рѣ-
шительно обо всемъ, о чемъ хотите... О
чемъ онъ говорилъ—это зависѣло отъ
компаніи, отъ обстоятельствъ, отъ злобы
дня. Когда совсѣмъ не было дамъ, Гюи-
де-Мопасанъ разсказывалъ невозможныя
вещи,—и столько бывало смѣха, веселья...

А когда бывали дамы, хотя и такія, которыя не стѣсняются бывать въ холостой компаніи, Мопасанъ оставался строго корректнымъ и къ этимъ дамамъ относился безъ малѣйшихъ вольностей, вполне вѣжливо и какъ истинный джентльменъ. Это не мѣшало Мопасану оставаться beau causeur и занимать все общество.

Мнѣ казалось, что Мопасанъ мало имѣлъ личныхъ друзей,—онъ, казалось мнѣ, ни съ кѣмъ не сходилъ до интимности и дружбы, а въ обществѣ зато онъ былъ, что называется, душа-человѣкъ. Впрочемъ, всегда корректный въ свѣтскомъ отношеніи, Гюи-де-Мопасанъ не прочь былъ иногда съ чисто французской манерой высмѣять иного, уязвить острою, но такъ, чтобы не обидѣть... Гюи-де-Мопасанъ казался мнѣ веселымъ, жизнерадостнымъ. А какимъ онъ бывалъ одинъ, внѣ того общества, въ которомъ я встрѣчалъ его,—не знаю...

ТОЛСТОЙ У ПОЛЪНОВА.

Толстой у Полѣнова.

Весной 1901 года знаменитый художникъ, профессоръ живописи Василій Дмитриевичъ Полѣновъ, показывая мнѣ въ своей мастерской начатыя работы, вспомнилъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Л. Н. Толстымъ.

Вотъ, что рассказалъ мнѣ знаменитый художникъ о визитѣ къ нему великаго писателя.

Въ 1888 году я кончалъ мою картину «Христосъ и грѣшница». Много перестрадалъ я изъ за этой картины: получилъ ужасныя головныя боли, разстроился нервами такъ, что Шарко запретилъ мнѣ два года работать... Эта картина

долгое время поглощала всё соки моихъ нервовъ; я отдавался ей весь...

Бздилъ въ Палестину, чтобы изучить колоритъ, мѣстность... Много я работалъ надъ картиной и всетаки она не вполне удалось... Теперь мнѣ ясны всё ея недостатки...

Картина была почти закончена; я отдѣлывалъ кое-какія детали. Въ мастерской у меня сидѣлъ молодой художникъ Сергѣй Алексѣевичъ Коровинъ; съ нимъ я, за работой, бесѣдовалъ. Вдругъ, взглянувъ на дверь, я увидѣлъ Льва Николаевича Толстого, съ которымъ до того не встрѣчался ни разу. Я былъ пораженъ неожиданностью.

— Левъ Николаевичъ!.. воскликнулъ я, чему обязанъ я такимъ счастьемъ, такой честью?!

Графъ не отвѣтилъ на мое привѣтствіе и спросилъ какъ будто съ раздраженіемъ:

— Да вы почему меня знаете?..

— Кто же васъ не знаетъ!..

Левъ Николаевичъ молча подошелъ къ моей картинѣ и сталъ разсматривать. Я

предложилъ ему отойти на достаточное разстояніе, но онъ отвѣтилъ, что плохо видитъ... Я предложилъ бинокль.

— Это что за штука?!.. спросилъ Левъ Николаевичъ.

— Это—бинокль... отвѣтилъ я, не понимая, почему графъ не хочетъ обнаружить свое знакомство съ этимъ общеизвѣстнымъ оптическимъ аппаратомъ.

Левъ Николаевичъ принялъ бинокль и началъ смотрѣть не въ маленькія стекла, а въ большія. Я его поправилъ. Тогда онъ сталъ смотрѣть, не видвинувъ винтомъ трубки съ малыми стеклами, и сказалъ;

— Ничего не вижу...

Я показалъ, какъ нужно дѣйствовать винтомъ бинокля, но графъ отказался отъ аппарата.

Долго смотрѣлъ Левъ Николаевичъ на мою картину и, наконецъ, указывая на нее, сказалъ:

— Вотъ Этого вы не любите!..

— То есть, кого?..

— Вотъ, Этого, который сидитъ по-среди...

— 'Го есть—Христа?!..

— Ну да,—вы Его не любите...

И съ этими словами Левъ Николаевичъ ушелъ.

Я былъ до такой степени ошеломленъ, что нѣсколько минутъ не могъ вымолвить ни слова... А когда немножко пришелъ въ себя,—спросилъ Коровина:

— Что все это значить?..

— Ничего не понимаю!..—пожалъ плечами въ отвѣтъ мнѣ молодой художникъ...

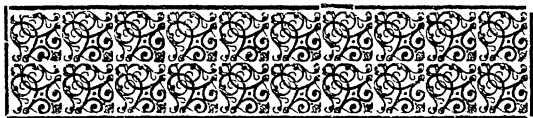
Такъ это для меня и осталось загадкой..."

И высоко-культурный, умный чело-вѣкъ В. Д. Полѣновъ развелъ руками.

Я не счелъ себя вправѣ таить отъ общества этотъ эпизодъ изъ жизни великаго писателя.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЧЕХОВЪ.

Изъ воспоминаній о Чеховѣ.

Мнѣ вспоминается небольшой уютный кабинетъ А. П. Чехова въ его ялтинской дачѣ. За письменнымъ столомъ и за пзящнымъ рабочимъ кресломъ — въ альковѣ оттоманка, а надъ нею — картина Левитана. И на противоположной стѣнѣ, на каминѣ — фреска Левитана «Стога сѣна». Подъ широкимъ окномъ — диванъ, а къ нему повернуто приставленное бокомъ къ письменному столу большое удобное мягкое кресло. Панно изъ покрытыхъ автографами фотографій знакомыхъ Чехова — на столѣ у входа въ кабинетъ.

Сюда 25 августа 1901 года изъ соседней комнаты провелъ меня Антонъ Павловичъ Чеховъ, заслоня на минуту

дверь своей большой, высокой фигурой; крѣпко, энергично пожимая мою руку, усадилъ радушно на кресло, а самъ сѣлъ на диванъ подъ окномъ и откинулся на спинку дивана, заложивъ ногу на ногу. Этой спокойной, удобной позы онъ не перемѣнилъ, пока мы бесѣдовали.

Сквозь пенсне онъ смотрѣлъ на меня открытымъ, прямымъ, умнымъ и внимательнымъ взглядомъ.

Какъ-то своеобразно пріятнымъ, симпатичнымъ, казался его грубоватый, жесткій, «толстый» голосъ, и звучало въ этомъ его голосѣ какъ будто что-то надтреснутое, болезненное.

Онъ говорилъ простымъ, почти народнымъ языкомъ и въ каждомъ его словѣ чувствовалась правда, искренность и доброжелательство.

— Миѣ кажется, не совсѣмъ удачно вы назвали свою книжку: «Штрихи и настроенія». Штрихи—не русское слово...

— Что за дивная эта маленькая фреска у васъ надъ каминомъ, Антонъ Павловичъ,—эти стога сѣна, тамъ въ нашей,

московской полосѣ... Это Исаака Ильича, должно быть?..

— Да, это — Левитана... А какимъ онъ вамъ казался самъ?.. Плохъ былъ здоровьемъ... Умеръ...

— Очень былъ слабъ... А какое было сердце!.. Непремѣнно хотѣлъ меня порадовать, новыя работы въ своей мастерской показать... Тамъ въ Москвѣ, въ Трехсвятительскомъ переулкѣ... Лѣстница въ мастерскую только на высоту комнаты, а и трудно-же было ему подниматься... Подниметь ногу на ступеньку, другую ногу на ту-же ступеньку поставить и на нѣсколько секундъ остановится, передохнетъ, потомъ также на вторую ступеньку... И такъ, — пока въ мастерскую поднялся... А тамъ сразу сѣлъ и нѣсколько минутъ отдыхалъ... Потомъ сталъ показывать картины, и только лишь тѣ, что закончены, а начатыхъ работъ очень просилъ меня не смотрѣть... Въ другой день приготовилъ къ моему приходу множество своихъ этюдовъ и за мои небольшія деньги разрѣшилъ мнѣ выбрать

любой этюдъ изъ всѣхъ. Я выбралъ очень маленькій по размѣру, но такой, который какъ разъ и самому Левитану нравился, какъ онъ мнѣ потомъ сказалъ, подписавши этюдъ, и онъ этому былъ радъ... Потомъ написалъ мнѣ, звалъ радужно опять... Что за милый онъ былъ человѣкъ, этотъ геніальный пейзажистъ... А васъ онъ какъ любилъ, Антонъ Павловичъ!..

— Да, вѣдь, Алексѣй Николаевичъ, и я его очень любилъ...

Мы заговорили о Мачтетѣ, который умеръ въ Ялтѣ нѣсколько дней назадъ.

— Зря померъ человѣкъ... — сказалъ Чеховъ и спросилъ меня: вы давно познакомились съ Григоріемъ Александровичемъ?

— Я привезъ ему въ 1891 году изъ Сибири, — изъ Ишима и Тюкалинска, письма его товарищей по ссылкѣ... Тогда Мачтетъ жилъ въ Москвѣ, на Плющихѣ... У него собирались писатели... Бывалъ у Мачтета и Л. Н. Толстой, съ которымъ тогда еще мнѣ не выпадало счастливаго

случая встрѣтиться... Встрѣчалъ я В. Е. Ермилова и другихъ... Потомъ, живучи въ разныхъ городахъ, мы съ Мачтетомъ переписывались, потомъ былъ въ гостяхъ онъ у меня въ Петербургъ и я у него въ Житомиръ...

Въ 1897 году снялся онъ со мной вмѣстѣ въ Петербургъ, въ фотографіи Ануфріева... А за нѣсколько лѣтъ до того онъ помогъ мнѣ пристроиться на службу въ желѣзнодорожный контрольный отдѣлъ... Онъ и самъ до того служилъ тамъ нѣкоторое время... Нуждался въ опредѣленномъ заработкѣ, чтобы не слишкомъ насилловать свое литературное творчество...

— Да, я знаю... У васъ цѣлы его письма?..

— Конечно, храню... Больше двадцати его писемъ.

— Отдадите въ печать?

— Много мѣстъ въ его письмахъ ко мнѣ не могутъ пройти въ печати по цензурнымъ условіямъ *).

---

*) Потомъ, въ 1905 году, письма Г. А. Мачтета ко мнѣ были напечатаны въ сборникѣ «Комета» изданномъ въ СПб. А. Мошнинъ.

Заговорили о Кучукъ-Коѣ, куда я собирался ѣхать.

— Я люблю Кучукъ-Кой, — сказалъ Чеховъ: — тихій уголокъ... Жаль, рѣдко приходится тамъ бывать...

Когда я началъ прощаться, Чеховъ всталъ и опять энергично, крѣпко пожалъ мнѣ руку и шелъ со мною до передней.

На террасѣ ждали Чехова сидѣвшіе тамъ въ это время Орленевъ и Дорошевичъ.

Изъ-подъ тѣни Чеховскаго дома я вышелъ на залитую яркимъ солнцемъ дорогу, что шла по улицѣ Верхней Аутки мимо кипарисовъ и небольшихъ домиковъ, спускаясь съ горы къ богатымъ улицамъ Ялты и къ морю.

Широкій, дивный видъ открывается съ того мѣста, гдѣ пріотилась дача А. П. Чехова.

Но не любилъ Чеховъ яркихъ красокъ юга и въ тѣни своего кабинета отдыхалъ усталымъ взоромъ на пейзажахъ своего друга Левитана, такъ живо и вѣрно передававшихъ настроеніе сѣренькаго сѣвернаго дня.

Вотъ три письма, которыя получилъ я затѣмъ отъ Антона Павловича Чехова.

---

14 февраля 1902 г. Многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ! Я, по полученіи отъ васъ письма, наводилъ справки на счетъ какого-нибудь добраго дѣла въ память покойнаго Г. А. Мачтета и теперь могу сообщить вамъ слѣдующее. Въ Ялтѣ существуетъ благотворительное общество, помогающее больнымъ, главнымъ образомъ, чахоточнымъ (между прочимъ оно содержитъ дачу «Яузла», въ которой живутъ небогатые больные), и вотъ это общество собираетъ капиталъ имени покойнаго Г. А., чтобы помогать литераторамъ, которые больны чахоткой и нуждаются. Пожертвованія принимаетъ Сергѣй Яковлевичъ Елпатьевскій, живущій въ Ялтѣ, въ собственномъ домѣ. Состоитъ онъ въ обществѣ членомъ правленія. Къ нему и адресуйтесь. Благотворительное общество дѣлаетъ много добра. Приношу вамъ сердечную благодарность за фотографію и за рассказъ «Оцѣпка жизни»,

который я прочелъ съ удовольствіемъ, и остаюсь уважающій васъ и готовый къ услугамъ.

А. Чеховъ.

Если понадобятся вамъ еще какія-либо справки, то, пожалуйста, не стѣсняйтесь и пишите, я готовъ служить.

---

6 марта 1902 г. Многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ! Присланную вами фотографію подписалъ и возвращаю съ большою благодарностью. Здоровье Л. Н. Толстого поправляется, и то, что сообщается въ газетахъ вообще объ его здоровьи, не расходится съ истиной. Желаю вамъ всего хорошаго и еще разъ благодарю. Искренно васъ уважающій

А. Чеховъ.

---

9 марта 1903 г. Многоуважаемый Алексѣй Николаевичъ! Съ г. Ч—ровымъ я не знакомъ, не знаю его и, въ чемъ его вина, изъ письма вашего я не уяснилъ себѣ. Благоволите сами написать ему, я же положительно не знаю, какъ и о чемъ

и долженъ говорить съ нимъ. Да онъ не сталъ бы и слушать меня. Желаю вамъ всего хорошаго. Искренно уважающій васъ

А. Чеховъ.

Вина г. Ч—рова, о которомъ упоминается въ послѣднемъ письмѣ, относилась, главнымъ образомъ, къ нему, Антону Павловичу Чехову, и то обстоятельство, что онъ не пожелалъ «уяснить себѣ» этой вины—является еще однимъ штрихомъ къ характеристикѣ А. П. Чехова, какъ хорошаго человѣка.

А самый видъ моихъ маленькихъ реликвій,—этихъ строчекъ нервнаго прерывистаго почерка художника слова,—живо мнѣ напоминаетъ и набросавшаго ихъ простого сердечнаго человѣка, и дивныя созданія его таланта, и его уютный уголокъ близъ моря, среди кипарисовъ и яркой лазури знойнаго юга.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА.

Ясная Поляна.

Рано утромъ 3 мая 1903 г. московскій поѣздъ подошелъ къ перрону Козловой-Засѣки. Я вышелъ изъ вагона и прошелъ въ помѣщеніе для пассажировъ, въ небольшомъ деревянномъ вокзалѣ.

Часа черезъ два я рѣшилъ отправиться пѣшкомъ въ Ясную Поляну: это недалеко,—версты четыре.

Со мною разговаривалъ одинъ изъ старшихъ агентовъ станціи:

— Левъ Николаевичъ прежде часто пріѣзжалъ на станцію верхомъ; теперь, послѣ болѣзни, рѣже пріѣзжаетъ. Вы давно его видѣли въ послѣдній разъ?..

Въ 1900 году?.. Ну, такъ вы его не узнаете, очень измѣнился. При немъ почти неотлучно находится докторъ, и, слава Богу, онъ, кажется, доктора слушается. Ему запрещены всякія волненія,

разговоръ, требующій напряженія нервовъ... Теперь Левъ Николаевичъ уже не для всѣхъ доступенъ...

— Вы къ нему?.. Такъ ужъ лучше, я-бы вамъ совѣтовалъ повидаться съ графиней Софьей Андреевной, — можетъ быть, она уговоритъ доктора чтобы разрѣшилъ графу принять васъ... Это будетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ доктора. Можетъ быть, васъ и примутъ, если только вы... не писатель... Разговоръ съ писателями его всегда особенно интересуется, онъ волнуется. И потому запрещаютъ ему теперь принимать писателей... Вы знакомы съ Львомъ Николаевичемъ?..

— Немножко.

— Ну, если знакомы, то у васъ есть лишній шансъ. А все таки, вы лучше сначала повидайтесь съ графиней Софьей Андреевной... повторилъ свой совѣтъ агентъ станціи.

— Какъ мнѣ пройти въ Ясную Поляну?..

— Здѣсь нельзя заблудиться... Вотъ

видите, прямая дорога въ гору пошла? Такъ вы все по этой дорогѣ идите... пересѣчетъ эту дорогу шоссе, а вы все прямо... И придете какъ-разъ въ Ясную Поляну.

Былъ сѣренькій вѣтряный день. Наканунѣ шелъ дождь. По небу быстро проносились тучки; на мигъ проглядывало солнце и бросало на землю бѣжавшіе впередъ свѣтлые блики. Широкая просѣка съ колеями дороги поросла травой, мѣстами пестрѣли въ травѣ желтые цвѣты одуванчиковъ и голубыя незабудки. Лѣсъ по сторонамъ шумѣлъ отъ вѣтра, листва трепетала. Въ лѣсу пѣли птицы, радуясь веснѣ. Вотъ оврагъ; у самаго края наклонилась береза; совсѣмъ осыпалась съ боку земля, но обнаженными корнями, длинными, сильными, дерево отчаянно вцѣпилось въ отвѣсъ оврага и еще крѣпко держится.

Я тихо шелъ по опушкѣ лѣса. За весело и ярко зеленѣвшими молодыми березками виднѣлись строгіе столѣтніе ду-

бы; ихъ могучія вѣтви, выдѣляясь рѣзкими силуэтами, лишь кое гдѣ одѣлись блѣдной, только что родившейся листвою; тамъ и сямъ въ лѣсу раскинулись и тѣснились кустарники; встрѣчались молодыя липки.

Шоссе, Кіевское, перерѣзало просѣку: направо въ Тулу, налѣво—въ Орель. Просѣка шла все прямо. Лѣсокъ сталъ раздвигаться, пошла пахатная земля, зеленѣвшая всходами; оставшіяся подъ цѣромъ полосы земли были сплошь покрыты желтыми цвѣтами сурѣпки.

Надъ полями жаворонки пѣли, пытаясь взлетѣть къ небу.

Дорога пошла подъ гору. Вотъ старый покосившійся, выложенный изъ кирпича массивный столбъ, съ желѣзнымъ орломъ наверху,—это граница уѣздовъ Тульского и Карпивенскаго. Виднѣлась на горкѣ деревня и рядомъ—паркъ. Это Ясная Поляна.

Я присѣлъ на камень при дорогѣ и, глядя на Ясную Поляну, задумался.

Вотъ усадьба, — такая скромная, незамѣтная издали. Но не затерялась она среди необозримыхъ пространствъ земли Русской, а знаютъ про нее всѣ грамотные люди, вездѣ...

Приведется ли мнѣ увидѣть сегодня хозяина Ясной Поляны? И вспоминается мнѣ, какъ въ февралѣ 1898 года, въ Москвѣ, я въ первый разъ увидѣлъ великаго писателя земли Русской и какъ въ его квартирѣ сидѣлъ такъ близко отъ него и, разговаривая съ нимъ, смотрѣлъ на давно знакомыя мнѣ по портретамъ дорогія черты его лица, на каждый завитокъ его окладистой бороды, его порѣдѣвшихъ надъ геніальнымъ лбомъ волосъ... Изъ подъ его сѣдыхъ косматыхъ бровей на меня въ упоръ смотрѣли эти наблюдательные, живые, блестящіе голубовато-сѣрые глаза, въ которыхъ, какъ будто свѣтилось, именно свѣтилось что то такое, чего я не видалъ ни въ чьихъ еще глазахъ... Темная суконная блуза спускается широкими свободными складками...

— Положимъ, вы дѣлаете столы,—говорить мнѣ Левъ Николаевичъ и спокойнымъ неторопливымъ, но въ то же время энергичнымъ движеніемъ кладетъ руку на полированную поверхность стола и нѣжно проводить по ней своими красивыми пальцами; изъ подъ обшивки темнаго суконнаго рукава бѣлая чистая холщевая сорочка выбилась чуть-чуть и нагнулась уголкомъ на кисть изящной, тонкой, хотя и морщинистой руки Льва Николаевича.

— Положимъ, вы хотите узнать, какъ другимъ нравятся ваши столы, —такъ вы ихъ и несите туда, идѣ столами торгуютъ,—тамъ и скажутъ вамъ, хороша ли ваша работа или нѣтъ...

Затѣмъ, тутъ же вспоминается мнѣ, какъ нѣсколько минутъ спустя, окончивъ разговоръ, я уходилъ:

— Вотъ, сказалъ великій писатель, отдавая мнѣ свой портретъ съ еще мокрой своей подписью: простите, что не могъ быть вамъ полезенъ...

И протянулъ мнѣ руку.

Мнѣ вспоминается, какъ спустя почти два года, въ январѣ 1900, меня провели въ ту же гостиную московскаго дома графа Л. Н. Толстого и какъ я тамъ ждалъ... Мнѣ не долго пришлось ждать... По лѣстницѣ раздались шаги. Я узналъ эти шаги, хотя они показались мнѣ уже не такими быстрыми, не такими легкими: Левъ Николаевичъ только что перенесъ тяжелую болѣзнь... Я ждалъ... Вотъ, вотъ, сію минуту войдетъ онъ, — тотъ великій художникъ, которымъ написанная каждая буква передается по телеграфу во всѣ концы земного шара... Вотъ вошелъ гр. Л. Н. Толстой, одѣтый въ старенькую синюю блузу, остановился у входа, всматриваясь въ меня, и сказалъ съ увѣренностью:

— Мы съ вами раньше видѣлись!..

Я напомнилъ, когда.

— Да, я припоминаю, сказалъ Левъ Николаевичъ, протягивая мнѣ руку, и сѣлъ, указавъ мнѣ на соседнее кресло.

Мнѣ вспомнилось, какъ послѣ разговора по дѣлу, за которымъ я пришелъ

съ письмомъ общаго нашего знакомаго, вдругъ Левъ Николаевичъ, неожиданно для меня, завелъ со мною разговоръ о моихъ литературныхъ работахъ, о писателяхъ нашего времени, о моемъ этюдѣ, содержаніе котораго Левъ Николаевичъ попросилъ меня рассказать ему; вспомнилось, какъ выслушавъ мой рассказъ, Левъ Николаевичъ съ доброй улыбкой сказалъ мнѣ:

— Хорошо... Пока у васъ есть о чемъ писать,—пишите...

Увижу ли я сегодня хозяина Ясной Поляны?..

Я всталъ и пошелъ къ усадьбѣ.

На лугу пасутся лошади. Въ мою сторону бѣжитъ пастухъ, мальчикъ лѣтъ восьми, и тащитъ уздечку и веревку. Мальчикъ поровнялся со мною, и я его спросилъ:

— Ты откуда, мальчикъ?

— А изъ Ясной Поляны.

— Какъ тебя зовутъ?

— Вася.

— Знаешь ты стараго графа—Льва Николаевича?

— А какъ же,—знаю.

— Почему же ты его знаешь?

— А онъ съ нами въ садъ по яблоки ходить.

— Онъ добрый?

— Д-о-обрый! — протянулъ Вася,—онъ гостинцы намъ даетъ.

— Какіе гостинцы?

— Конфекты... пряники,—припоминалъ Вася съ удовольствіемъ и прибавилъ мечтательно:

— Подсолнухи даетъ!..

— Ты учишься?..

— Нѣ-ѣ... Еще малъ... А буду въ школу ходить.

Онъ побѣждалъ съ уздечкой догонять лошадь.

Тамъ, гдѣ начинается фруктовый садъ Ясной Поляны, протекаетъ ручей, и дорога дальше поднимается въ гору. Бесѣдка устроена у выступа села,—далеко видна дорога изъ этой бесѣдки. Къ мо-

стику у ручья нельзя было пройти: можно было завязнуть въ размокшей почвѣ низины, я направился по тропинкѣ, что вела въ садъ черезъ брешь живой изгороди. Тропинка шла мимо пруда; парень въ картузѣ и длинныхъ сапогахъ поилъ осѣдланную лошадь. Я спросилъ, приведетъ-ли меня тропинка къ дому графа.

— Идите прямо по тропинкѣ, а какъ перейдете плотину, тогда возьмите по дорогѣ влѣво.

Это указаніе парня заставило меня немножко заблудиться. Я подошелъ къ двумъ выбѣленнымъ кирпичнымъ столбамъ у въѣзда въ усадьбу и направился по дорогѣ. Плотина отдѣляла нижній прудъ отъ верхняго. Изъ верхняго пруда по желобу бѣжала вода въ нижній; деревья и небо отражались въ прудѣ, какъ въ зеркалѣ; за плотиной дорога развѣтвлялась: одна поднималась прямо, въ горку, другая—шла влѣво, сначала по берегу пруда, затѣмъ поднималась въ гору мимо деревьевъ фруктоваго сада.

Вспомнивъ указаніе парня, я пошелъ по этой послѣдней дорогѣ. Она привела меня къ старинному каменному барскому дому, въ которомъ теперь помѣщаются конюшни или хлѣва. Окна заложены кирпичемъ, оставлены только продушины. Этотъ бывший домъ окруженъ дворомъ и повѣтями. На меня залаяли двѣ собаки,—впрочемъ незлобно, а такъ только, чтобы сдѣлать свое дѣло. На лай собакъ вышла скотница и указала мнѣ дорогу къ дому графа.

— Вотъ по этой тропинкѣ... Такъ вы все идите...

Я пошелъ по тропинкѣ черезъ фруктовый садъ; на яблоняхъ распускались бутоны цвѣтовъ. Прошелъ мимо деревяннаго павильона съ большими окнами. Тропинка привела меня къ прямой, расчищенной и усыпанной пескомъ дорожкѣ, которая соединяла два каменныхъ бѣлыхъ двухъ-этажныхъ дома; я узналъ тотъ домъ, который увидѣлъ направо—домъ съ большимъ балкономъ и террасой; я зналъ этотъ домъ по фотогра-

фіямъ и рисункамъ; въ этомъ домѣ живетъ великій писатель.

Узналъ я и «Дерево бѣдныхъ», со скамеечкой и звонкомъ. Подъ этимъ ко-со растущимъ деревомъ теперь сидѣла крестьянка — просительница; у террасы подвязывалъ фруктовое дерево садовникъ. Я спросилъ у него, кто доложить обо мнѣ графинѣ Софьѣ Андреевнѣ или графу Льву Николаевичу.

— Графиня уѣхала въ Москву по дѣламъ, а графу лакей доложить. Пожалуйте вотъ въ эту дверь.

Я не видалъ звонка у обитой клеенкой двери, она не была заперта. Я вошелъ въ переднюю. Стѣны между дверями заняты были шкафами съ книгами, налѣво лѣстница вела въ верхній этажъ. Вошелъ въ переднюю лакей. Я попросилъ передать графу Льву Николаевичу мою визитную карточку.

— Графъ сейчасъ уйдутъ въ кабинетъ работать... Сію минуту они еще свободны... я доложу... И они еще не совсѣмъ здоровы...

Такимъ образомъ, я былъ вѣжливо предупрежденъ лакеемъ, что меня, можетъ быть, сейчасъ не примутъ.

Лакей отправился по лѣстницѣ вверхъ съ моей карточкой.

Мнѣ было очень грустно думать, что можетъ быть, не придется видѣть Льва Николаевича. Недѣли двѣ назадъ я послалъ ему вышедшую вторымъ изданіемъ книжку: «Штрихи и настроенія», въ которой, вмѣсто предисловія, помѣщенъ отрывокъ бесѣды моей съ нимъ, великимъ писателемъ земли Русской. Мнѣ хотѣлось-бы лично поблагодарить его за позволеніе помѣстить этотъ отрывокъ при моей скромной книжкѣ.

Лакей черезъ минуту вернулся и сказалъ:

— Левъ Николаевичъ проситъ васъ пожаловать.

Лакей провелъ меня въ верхній этажъ и тамъ на площадкѣ лѣстницы открылъ одну изъ дверей.

Я увидѣлъ Льва Николаевича. Онъ

стоялъ посреди комнаты и привѣтливо протянулъ мнѣ руку.

— Я пришелъ, чтобы лично поблагодарить васъ, Левъ Николаевичъ, за разрѣшеніе помѣстить при моей книжкѣ отрывокъ одной бесѣды моей съ вами.

— За что же тутъ благодарить? Прошу садиться.

Графъ указалъ мнѣ на диванъ, а самъ помѣстился какъ разъ напротивъ меня въ креслѣ. Преимущества для наблюденія были не на моей сторонѣ: я сидѣлъ лицомъ къ окну, а Левъ Николаевичъ — спиною. Но все же я видѣлъ ясно и такъ близко великаго писателя.

Его голубовато-сѣрые глаза смотрѣли на меня, почти не мигая; въ этихъ глазахъ я подмѣчалъ раньше пронизывающую остроту взгляда, они горѣли творческимъ экстазомъ, въ нихъ мерещилось мнѣ напряженіе пытливой мысли. Теперь я видѣлъ въ глазахъ великаго писателя необычайное спокойствіе духа, миръ, тишину невозмутимую, какая чудится въ лазури чистаго, безоблачнаго неба.

На самомъ темени Льва Николаевича была маленькая бѣлая ермолка или, можетъ быть, повязка, которую окружали его пышные, сѣдые волосы, сходявшіеся съ сѣдою, широкою бородою. Мнѣ казалось,—я вижу передъ собою библейскаго пророка, величественнаго и спокойнаго, душа котораго далеко ушла отъ суеты міра сего. Выраженіе лица Льва Николаевича, его тихая теперь, ставшая немного медлительнѣй рѣчь, его движенія— все въ немъ казалось мнѣ полно спокойствія и великаго душевнаго мира.

Графъ былъ одѣтъ въ широкій и длинный сюртукъ изъ желтоватаго сукна.

— Гдѣ вы теперь живете?

Я отвѣтилъ.

— Пишете? — серьезно и участливо спросилъ графъ.

— Грѣшенъ, Левъ Николаевичъ, пишу,—отвѣтилъ я виновато смиреннымъ тономъ, какимъ исповѣдуются «на духу».

Левъ Николаевичъ улыбнулся.

Однажды я сказалъ уже Льву Николаевичу, что не могу не писать, какъ

не можетъ щеголь не пѣть, хотя онъ и не умѣетъ пѣть по-соловьиному, а только по-своему. Теперь для меня былъ вполнѣ неожиданнымъ вопросъ Льва Николаевича: «Пишете?»... — этотъ вопросъ, заданный искреннимъ, полнымъ поощренія и теплаго участія тономъ. И я не знаю, какъ сорвался у меня шутливый мой отвѣтъ: «Грѣшенъ». Писать... искренно и съ вѣрою въ то, что и мои слабыя силы могутъ приносить хоть маленькую пользу, — нѣтъ, я, конечно, не считаю серьезно грѣхомъ, что пишу... И конечно, Левъ Николаевичъ всей своей чуткой душой понялъ мою шутку, и потому улыбнулся.

— Съ однимъ моимъ рассказомъ произошелъ маленькій курьезъ, очень польстившій мнѣ... Критика меня обвинила въ томъ, что я подражалъ вашему Альберту... Въ моемъ «Блуждающемъ огонькѣ» вывелъ я скрипача-пьяницу, котораго въ главныхъ чертахъ я списалъ съ натуры... Зналъ я лично подобнаго скрипача, зналъ до самой его смерти... И зналъ другихъ подобныхъ людей... Собралъ у нѣ-

сколькихъ черты характерныя,—и написалъ моего Волчкова.

— Я помню,—сказалъ Левъ Николаевичъ.—А съ критиками это случается: они часто любятъ подозрѣвать въ подражаніи.

— Вотъ по поводу типовъ съ натуры: меня интересуеъ одно... какъ будто противорѣчіе... Когда читаешь произведенія Гоголя, Мопасана, ваши, Левъ Николаевичъ,—поражаешься реальностью типовъ, правдивостью. Ясно, что написано многое съ натуры... И сами вы, кажется, подтверждали, что часто писали съ натуры.

— Да,—сказалъ Левъ Николаевичъ,—я часто пишу съ натуры. Прежде даже и фамиліи героевъ писалъ въ черновыхъ работахъ настоящія, чтобы яснѣе представлять себѣ то лицо, съ котораго я писалъ. И перемѣнялъ фамиліи уже заканчивая отдѣлку разсказа.

— А между тѣмъ, вскорѣ послѣ выхода «Войны и миръ», была напечатана ваша статья,—недавно она перепечатывалась,—въ которой вы писали:

«Я-бы очень сожалѣлъ, ежели-бы сходство вымышленныхъ именъ съ дѣйствительными могло-бы кому-нибудь дать мысль, что я хотѣлъ описать то или другое дѣйствительное лицо; въ особенности потому, что та литературная дѣятельность, которая состоитъ въ описаніи дѣйствительно существующихъ или существовавшихъ лицъ, не имѣетъ ничего общаго съ тою, которою я занимался».

— Не помню ужъ теперь, что я писалъ въ той статьѣ... Но я думаю такъ-что если писать прямо съ натуры одного какого-нибудь человѣка, то это выйдетъ совсѣмъ не типично,—получится нѣчто единичное, исключительное и не интересное... А нужно именно взять у кого-нибудь его главныя характерныя черты и дополнить характерными чертами другихъ людей, которыхъ наблюдалъ... Тогда это будетъ типично. Нужно наблюдать много однородныхъ людей, чтобы создать одинъ опредѣленный типъ.

Въ комнату вошелъ сынъ графа.

— Мой сынъ, Сергѣй Львовичъ, —

сказаль Левъ Николаевичъ и назвалъ меня.

Мы поздоровались съ графомъ Сергѣемъ Львовичемъ, который сейчасъ же ушелъ.

— Я долженъ идти работать,—сказаль Левъ Николаевичъ: теперь мой рабочий часъ,—не угодно-ли вамъ кофе?..

Левъ Николаевичъ провелъ меня въ столовую, гдѣ его домашніе сидѣли за кофе, остановился у входа, назвалъ меня и сказалъ:

— Пожалуйста, примите гостя.

— А я съ вами прощусь, — сказалъ Левъ Николаевичъ, пожимая мнѣ руку.

И великій писатель пошелъ работать.

Выпивъ чашку кофе, я, чтобъ не стѣснять, отказался отъ завтрака и, поблагодаривъ, простился.

О здоровьи великаго писателя я узналь отъ его домашняго врача Э. Л. Гедговта:

— Въ общемъ Левъ Николаевичъ себя

недурно чувствуетъ— сказалъ мнѣ д-ръ Гедговтъ.

У самой усадьбы раскинулась деревня Ясная Поляна. Вдоль широкой дороги выстроились бревенчатые избы подъ соломенными крышами; передъ избами кое-гдѣ растутъ молодые деревья. Бѣлые столбы у въѣзда въ усадьбу съ домикомъ-сторожкой сбоку, остались позади; я прошелъ въ ближайшую крестьянскую избу, ея владѣлецъ взялся довести меня до станціи.

Дорогою мой возница указалъ на бесѣдку у выступа сада:

— Недавно велѣли старый графъ, Левъ Николаевичъ, эту бесѣдку построить,— лѣтъ пять-шесть назадъ... Вспомнили, что въ прежнія времена на этомъ самомъ мѣстѣ бесѣдка стояла, еще ихній отецъ ту строилъ... А потомъ разрушилась, и много лѣтъ ея не было... Вотъ и теперь стала бесѣдка, какъ у ихняго отца была...

— Ты давно съ графомъ разговаривалъ?..

— Да мнѣ почти-что не приходилось... я все въ Тулѣ извозчикомъ ѣзжу, а прежде въ Казани лѣснымъ объѣзчикомъ служилъ. Хоть природный я здѣшній, яснополянскій, а недавно я тутъ поселился. Встрѣтилъ меня графъ Левъ Николаевичъ около своего пруда—воду мы у нихъ беремъ.

— Какъ тебя звать? — спрашиваютъ.

— Иванъ Минаевъ, — отвѣтствую.

— Ты, должно быть, покойнаго Василя сынъ?

— Такъ точно, — говорю. Вспомнили: отецъ мой, Минаевъ Василій, — ихній крѣпостной былъ. Распросили тутъ они меня, чѣмъ занимаюсь.

— Извозничьимъ промысломъ — говорю. Больше ничего не спрашивали.

— Въ прежнее время графъ часто по деревнѣ ходили и къ мужикамъ заходили... Обо всемъ спрашивали... Присматривались, примѣрно, что ѣдятъ, какъ работаютъ, или, хотя-бы крестины, звадьба... Какъ это у насъ производится... Все требовалось имъ снять... для описи.

— Мы стараго-то графа, Льва Николаевича, жалѣемъ... Больно онъ доберъ... Спаси Богъ, ежели онъ помретъ, плохо намъ будетъ.

— Теперь ежели скотина наша въ ихнія луга зашла,— старый графъ никогда не велятъ насъ за то притѣснять... Или, примѣромъ,— лѣсу у насъ почти что нѣту,—а у нихъ лѣсу много... Оно, конечно,— ежели кто дурнымъ дѣломъ занимается,— чужой лѣсъ беретъ,—ему туда и дорога... А только много у насъ бѣдноты и, зимнее дѣло,—никакъ нашему брату безъ сухостойчика не обойтись... Вотъ, ежели кто сухостойчикомъ и пользуется, старый графъ,— Левъ Николаевичъ,—за то опять не велятъ судить, либо тамъ притѣснять... А деревня-то у насъ большая, — дворовъ шестьдесятъ или семьдесятъ, и примѣрно душъ сто двадцать... Много бѣдноты найдется, которые, то-есть на счетъ сухостою...

— А то еще такое было дѣло. Наготовили въ графскомъ имѣніи срубовъ

для крестьянскихъ избъ, чтобы по льготѣ крестьянамъ продавать. Каждый срубъ,— онъ стоитъ тридцать, а то и сорокъ и даже до пятидесяти рублей... А на деревнѣ нашей пожаръ случился... Старый-то графъ Левъ Николаевичъ, и роздалъ срубы даромъ погорѣльцамъ... Недороды случались,—опять же помогалъ...

— Очень мы стараго графа жалѣемъ... Вотъ и пріѣхали къ станціи... Счастливо оставаться...

День сталъ уже яснымъ, небо отъ облаковъ очистилось, и солнце любовно грѣло влажную отъ дождей землю.

Вскорѣ затѣмъ узналъ міръ, что великій писатель совсѣмъ окрѣпъ здоровьемъ и ѣздитъ верхомъ и на велосипедѣ, играетъ въ лаунъ-теннисъ, — и работаетъ такъ много, какъ многимъ молодымъ, конечно, не подъ силу.
